

НИКАКОГО СТРАХА.
НИКАКОЙ НЕНАВИСТИ.
НИКАКИХ ЛОШАДЕЙ

16 ЛОШАДЕЙ

ГРЕГ БЬЮКЕНЕН

Грег Бьюкенен

16 лошадей

Серия «Neoclassic: Триллер»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68917302
16 лошадей. Роман: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-133998-2*

Аннотация

Маленький провинциальный городок Илмарш замер от ужаса: на одной из близлежащих ферм найдены шестнадцать отрубленных лошадиных голов, наполовину зарытых в землю. Кто стоит за этой дикой бойней? В чем ее смысл? Какое послание пытается передать миру убийца?

Детектив Алек Николе начинает расследование, еще не подозревая, что преступник не намерен останавливаться. Цепь загадочных и на первый взгляд никак не связанных между собой преступлений тянется все дальше.

Илмарш накрывает волна паники.

Времени у детектива все меньше...

Содержание

1	6
2	13
Часть 1	21
День 1	21
Глава 1	21
Глава 2	28
Глава 3	35
Глава 4	39
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	53
День 2	61
Глава 8	61
Глава 9	63
Глава 10	65
Глава 11	70
Глава 12	77
Глава 13	78
Глава 14	85
Глава 15	90
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Грег Бьюкенен

16 лошадей

Роман

Шарлотте

*Чей это лес – я угадал
Тотчас, лишь только увидал
Над озером заросший склон,
Где снег на ветви оседал.*

*Мой конь, заминкой удивлен,
Как будто стряхивая сон,
Глядит – ни дома, ни огня,
Тьма да метель со всех сторон.*

*В дорогу он зовет меня.
Торопит, бубенцом звеня.
В ответ – лишь ветра шепоток
Да мягких хлопьев толкотня.*

*Лес чуден, темен и глубок.
Но должен я вернуться в срок;
И до ночлега путь далек,
И до ночлега путь далек.*

Роберт Фрост «Остановившись на опушке в снежных

Greg Buchanan

Sixteen Horses

* * *

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Greg Buchanan, 2021

© Школа перевода В. Баканова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

¹ Перевод Г. Кружкова. – Здесь и далее примеч. пер.

1

Перед рассветом рваные тучи в небе почернели, горизонт был усеян обломками старых ржавых силуэтов. Вокруг ни души.

– Химиотрассы, – бросил фермер Алеку, как только они встретились, и остаток пути молчал.

Свет фонариков выхватил край берега и пенистую воду – через осушенные болота фермы протекал мелкий ручей. В камышах звенела жизнь: тут были и мухи, и сверчки, и овсянки.

– Ну и где они? – вздрогнув, спросил Алек.

Время без пяти семь. Куртку он оставил в патрульной машине.

– Овец не было, – сказал фермер, не обращая внимания на вопрос собеседника. Он перепрыгнул через ручей, сапоги заскользили по наклонному бережку. – А вообще они любят сюда приходить.

Алек нерешительно осматривал илистую землю, и фермер ухмыльнулся, отчего его щеки запылали под грязно-белой бородой. В прорезиненной куртке, с огромным животом и низким голосом он смахивал на безумного Санта-Клауса.

– Смелее, сержант Николс. Неужто боитесь замараться?

– Нет. Вообще-то да... Надеюсь, вы не зря тратите мое время. Здесь столько мух... – Алек отогнал с закатанного

рукава пугающих размеров насекомое.

– В следующий раз одевайтесь подобающе, – посоветовал фермер.

Скривившись, Алек отошел назад, перепрыгнул через ручей и с глухим звуком приземлился прямоком в густую студенистую грязь, забрызгав и свои черные брюки, и джинсы старика.

Тот недовольно цокнул, затем улыбнулся.

– Что ж такое, а?

Алек попытался отряхнуть брюки, но лишь сильнее размазал грязь и испачкал руки.

Фермер пошел дальше и указал на громадный полупустой бак, стоящий в паре сотен футов. Полупрозрачный пластик от времени покрылся пятнами, а след от воды, которая когда-то там была, походил на смазанную улыбку.

– Там мы их и нашли, – мрачно сообщил фермер.

Алек посмотрел на часы: 7:06. Скоро взойдет солнце.

Они двинулись дальше. Тишину нарушало только жужжание мух и отдаленное блеяние овец в полумраке.

– Джин уезжает, вы в курсе?

– Кто-кто? – переспросил Алек.

– Джин, соседка. Продает ферму.

– А, Джин... – Его голос затих. – Да, видел табличку.

По дороге сюда Алек проезжал мимо той фермы: земли там в два раза больше, чем у этого старика, а животные и уголья очень ухоженные, не то что здесь. Имени хозяйки он

не знал, да и вообще почти ни с кем из местных не общался. Еще одно доказательство, что он до сих пор тут чужой.

– Сказала, переезжают к родным.

– Кажется, пару раз я видел ее с мужем в городе, – отозвался Алек, подходя к «улыбающемуся» баку с водой. – Они ведь раньше пекли такие вкусные мясные рулеты. Пробовали?

Алек отогнал от лица еще одну муху.

– Нет, – ответил фермер. – Я вегетарианец.

– Серьезно? Моя жена как-то пыталась отказаться от мяса, но...

– Нет, – повторил фермер, явно не желая обсуждать эту тему.

Мир еще какое-то время будет погружен в темноту, но скоро солнце выйдет на свободу. День почти начался.

Футов через пятьдесят поле сменилось свежераспаханной бурой почвой. Повсюду комья земли и белесые камни. Под ногами по-прежнему грязно и сыро.

Край угодий был обозначен тонкой металлической сеткой; там, где сквозь проволоку пытались выбраться наружу овцы, торчали клочки шерсти. Впрочем, никаких животных вокруг не было.

– И где же...

– Вон там, – перебил фермер. – В земле.

Алек посмотрел под ноги, но не увидел ничего, кроме грязи.

– Я не...

Что-то у самой поверхности почвы пошевелилось на ветру, и Алек замолчал на полуслове.

Он сделал шаг вперед и осветил фонариком. Прямо перед ним, почти сливаясь с грязью, лежала грива черных волос, густых шелковистых завитков.

Алек подошел ближе, опустился на колени, вытер руки о штаны и достал из кармана латексные перчатки. Хотел надеть их одним легким движением, но влажные пальцы сразу прилипли к материалу. Медленно натягивая перчатки, он не сводил глаз с темных спиралей волос.

Приподнял один локон – на удивление тяжелый и жесткий. Провел рукой вдоль прядей, осторожно их ощупывая. У основания завитка, рядом с остальной массой волос, Алек почувствовал твердую плоть.

Солнце поднималось все выше. Он аккуратно опустил волосы и заметил кое-что еще.

Что-то черное, блестящее, как пластик, с полумесяцем тускло-белого цвета по краю.

Из земли торчал глаз, большой грустный глаз, смотрящий ввысь.

Алек отшатнулся.

– Их нашла моя дочь, – сказал фермер. – И зачем она во-

обще сюда забрела...

Алек посветил фонариком: таких было много. Некоторые совсем близко, другие подальше. Он обошел все кругом, оставив сотни следов и насчитал шестнадцать закопанных на один и тот же манер голов – почти у каждой из земли торчал только глаз и крошечная полоска кожи. Лишь одну зарыли не так глубоко, и у нее проступала шея. Пока было непонятно, какая часть туловища скрывалась под поверхностью.

Повсюду куча следов: и Алека, и фермера, и его дочери. О таком его никто не предупреждал. Он и представить не мог...

– Кто мог такое сотворить? – прохрипел старик. – Кто мог взять и...

Алек резко посмотрел вверх, к горлу подступила желчь. Солнце светило все ярче, окрашивая небо огненно-красным цветом. В камышах по-прежнему гудели мухи и сверчки, однако мертвых глаз, казалось, сторонилось все живое.

Примерно в полумиле на горизонте виднелся каменный дом.

– Кто там живет? – спросил Алек.

– Никто.

Дом и правда казался заброшенным.

– Вы раньше сталкивались с чем-то подобным? – снова обратился он к фермеру. – С чем-то настолько...

Ужасающим.

И прекрасным.

– Нет, а вы?

Алек покачал головой, отступил на шаг, снова посмотрел на волосы. Теперь было понятно, что это конские хвосты.

– Это ведь убийство, – тихо произнес старик. – Вы только гляньте, сразу видно – убийство.

Вообще-то всего лишь порча имущества. Преступление против собственности.

Если убиваешь не человека, то считай, можно делать что угодно.

Алек снова взглянул на мрачный и холодный дом вдалеке.

– Может, кто-то затаил на вас обиду и решил вот так по-квитаться?

Фермер выдавил улыбку.

– Кто-то, кроме моей жены? Нет-нет. Я всегда ладил с людьми. – Он замолчал и после паузы спросил: – И что мне теперь делать?

– Нужно вызвать ветеринара. – Алек выпрямился. – Если получится, проведем вскрытие, а пока их лучше не трогать.

– У меня на все это денег нет.

– Вам и не нужно...

– Кто-то ведь специально их так закопал, да? – перебил фермер. – Лошади сами в землю не зарываются.

– Ну, тут же раньше были болота. Возможно, они... Не знаю, может, просто...

– Нет, – уверенно возразил старик.

Алек опять посмотрел на глаза лошадей: они казались

полными жизни, и только их неподвижность говорила о том, что животные мертвы.

Он достал телефон и сделал несколько фотографий. Сойдет, пока не приедет подмога.

– Держите остальной скот подальше от этого места. Заприте их или...

– А что насчет хозяина?

– Какого хозяина?

– Ну, их... этих... – поморщившись, фермер махнул рукой.

– В смысле? – Алек перевел взгляд на головы, затем снова на мужчину. – А, так они были у вас на постое? Тогда надо связаться...

– Нет! – рявкнул фермер. – Нет, нет, нет.

– Тише, не волнуйтесь. – Алек подошел ближе, но старик отвернулся. – Страховка наверняка все покроет.

– Да поймите же вы, наконец, я вообще не держу лошадей – и никогда не держал. Это я и пытался растолковать по телефону той девушке...

На край глаза села муха.

– Я этих лошадей первый раз вижу.

2

В комнате сидит мертвец. Руки завязаны сзади, поэтому он не падает. В воздухе витает пыль и запах газа. В его животе что-то шевелится. Правого глаза нет.

Голод трупа пережил его самого. Желудок кишит бактериями и симбиотическими соками, они продолжают дышать и поглощать организм. Он переваривает сам себя.

Пахнет кошмарной смесью протухшей свинины и сахара. Хуже запаха в мире нет.

В комнате сидит мертвец, но он там не один.

За тем, как с тела берут образец, наблюдают два детектива. Образец – это не ткани жертвы, а три белых кошачьих волоска, найденных в крови.

Купер прижимает маску к лицу – вонь стоит невообразимая. Броситься к окну и блевануть – не вариант. Нельзя дать этим надменным ублюдкам повод сомневаться в ее профессионализме.

Купер впервые видит труп, хотя по ней и не скажешь.

Нужно сосредоточиться только на кошачьей шерсти и ни на чем другом. Сейчас не время проявлять эмоции.

Волоски-то и помогут раскрыть дело. Они позволят найти человека, которого не смог найти никто другой. Они...

– Почему мы здесь? – спросила психотерапевт.

В маленькой залитой светом дневных ламп комнате не оказалось часов. Купер взглянула на свои наручные – черные, массивные, с красной окантовкой. Она носила их на левой руке, и от них было больше проблем, чем пользы.

Стоит ей посмотреть на часы, как врач обвинит ее в излишней суетливости. Она каждую мелочь готова использовать против своей пациентки. Ну ни капли жалости.

– Зачем мы здесь, Купер? Давайте вернемся к этому вопросу.

Купер прищурилась.

– Хотите, чтобы я поделилась своими чувствами? – Она выпрямила спину. – Я и так ими делюсь.

– Я хочу обсудить один момент из вашего рассказа. О том, что «не время проявлять эмоции».

– Я тогда впервые оказалась на месте преступления, – со злостью ответила Купер. – Что, надо было взять и расплакаться?

Психотерапевт лишь внимательно посмотрела на нее. Как же она не похожа на предыдущую, милую полную женщину, которая носила мешковатые зеленые свитера, все время улыбалась и с сочувствием реагировала на каждую фразу Купер. А эта...

Какой ледяной взгляд.

– Мне было двадцать пять. Я тщательно изучила место происхождения, забрала кошачью шерсть на экспертизу, вышла из здания, и меня вывернуло прямо на газон. – Купер слегка подалась вперед. – По-моему, неплохо справилась.

– Как думаете, вы были готовы к такой работе?

– Конечно, иначе бы меня туда не отправили.

– Вы же не полицейский и не эксперт-криминалист, вы...

– Я была готова, – перебила ее Купер. – И вообще-то я профессионал своего дела.

– Вы ветеринар.

Купер отвела взгляд. Возникла пауза, поэтому она повернула левую руку и вновь взглянула на часы.

14:18.

14:19.

– Кошачьи волосы, обнаруженные на ноге жертвы, привели нас к другу его зятя. Такую же шерсть мы нашли в доме сестры погибшего, выследили приятелей ее мужа и вышли на этого человека. Найденные улики помогли обвинить его в убийстве.

Психотерапевт опять замолчала, и Купер напряглась.

– Кажется, вы до сих пор не понимаете, чем именно я...

– Почему вы так отчетливо помните запах?

– А вы знаете, как пахнет от мертвеца?

Врач покачала головой.

– Этот «аромат» затмевает все остальное. – Купер взяла

с пола бутылку воды и сделала глоток. – Некоторые части тела продолжают функционировать и после смерти – я имею в виду не душу и все такое, а кишечник.

– Вы сказали, что мы сами себя перевариваем.

– Именно так. Бактерии внутри нас начинают все уничтожать.

– Значит, это все-таки не мы сами.

– Человек на шестьдесят процентов состоит из воды. В нашем теле много всего помещается.

Купер выпрямилась и еще раз посмотрела на часы: 14:23. Психотерапевт изучала свои записи.

– Почему вы стали ветеринаром? – спросила она, и Купер перевела взгляд на врача. – Почему выбрали такую профессию?

– Хотела помогать животным.

– Seriously?

– Да.

– Просто помогать – и все?

Купер не ответила.

– Когда хотят помогать животным, то лечат их. А вы, если я правильно понимаю, занимаетесь немного другим.

Купер кивнула.

– Так почему вы сделали выбор в пользу этого занятия?

– Потому что не хотела зарабатывать на жизнь любезностью.

– И к кому вы не желали быть любезной?

– Не к кому, а с кем.

– Купер... – Психотерапевт вздохнула.

– Ни с кем.

– Что вы имеете в виду?

– Многие люди совсем не задумываются о том, что однажды они умрут.

– И откуда вам это известно?

– Так же, как и вам, – по работе, – фыркнула Купер. – Большинство вообще не понимают природу смерти. Это сразу видно по лицам, стоит только завести такой разговор. «Ой, я совершенно не боюсь умереть, лишь бы не было больно. Ведь если ты мертв, тебе уже все равно, так зачем волноваться?»

– Ну и зачем волноваться?

– Как раз из-за того, что будет «все равно». Никто из нас не сможет осознать, что он умер, поэтому все то, что мы испытываем в данный момент, что мы ощущаем каждую секунду, – все это исчезнет, как будто ничего и не было. В конце нас ждет пустота.

– Другие ведь продолжают жить, – возразила психотерапевт.

– А какая разница?

Снова тишина. Купер уже не смотрела на часы.

– Я пошла учиться на ветеринара, так как не знала, чем еще заняться.

– А теперь...

– Теперь мне тридцать один, и я уже много лет не сталкивалась с живыми пациентами.

– И что вы чувствуете по этому поводу?

– Да ничего.

– Может, сожалеете?

– Нет, я...

Врач сделала какие-то пометки.

– Продолжайте.

– Я люблю свою работу.

Психотерапевт положила блокнот на стол.

– Нелегко далась вам эта фраза. Это видно и по вашей позе, и по интонации. Любопытно.

– Рада, что для вас все это так увлекательно.

– Купер...

За окном темнело.

– Я не смогу помочь вам, если вы не поможете мне, – заявила врач.

– А я и не хочу вам помогать. Меня просто заставили сюда прийти.

– Вы уже об этом говорили.

– Говорила.

– Купер, мне казалось, вас волнует мысль о том, что вы тратите жизнь впустую. Но вы, похоже, ничего не хотите менять.

– Да, похоже на то.

Врач напряглась и неуверенно продолжила:

– Расскажите мне про...

– Вы в курсе, что ветеринары кончают жизнь самоубийством в четыре раза чаще всех остальных? – После паузы Купер добавила: – Эта статистика ведется на протяжении многих лет, мы постоянно умираем.

– И как вы думаете, почему?

– Просто мы знаем, как прервать страдания.

Долгое время обе молчали и просто смотрели друг на друга – не сказать что злобно, но и не по-доброму. Дыхание Купер участилось.

Психотерапевт все-таки нарушила тишину:

– Почему мы здесь, Купер? Я задавала этот вопрос двадцать минут назад, но вы так и не ответили.

– Я же сказала.

– Нет, истинную причину вы не назвали.

Купер не сводила с нее взгляда.

– Вы должны произнести это вслух.

– Потому что мои сослуживцы думают, что я не справляюсь со стрессом. Потому что они решили, что так будет лучше. Только они меня совсем не знают.

Врач вздохнула.

– Я спрошу опять, и на этот раз давайте честно.

Купер молчала.

– Почему мы здесь, Купер? На самом деле?

В коридоре слышались шаги. Она глянула на часы: 14:38. Осталось совсем чуть-чуть.

Купер никак не могла расслабиться, глаза устали.

– Из-за лошадей, – сказала она. – Мы здесь из-за лошадей...

Часть 1

Илмарш

Фургон ехал по ночной дороге.

– Это опять случилось.

И на той дороге им никто не встретился.

– И случится снова, так ведь?

Водитель ничего не ответил.

– Скажи мне.

Небо озарилось вспышками фейерверка.

– Что хуже – неосторожность или жестокость?

День 1

Глава 1

– Одиннадцать, барабанные палочки! У кого-нибудь есть номер одиннадцать?

Никто не отозвался.

На облупившихся фасадах и черных фонарных столбах теснились чайки. Повсюду крикливые вывески: «МЯСО НА ГРИЛЕ», «ТРОПИЧЕСКОЕ КАФЕ», «ДВОРЕЦ ЦЕЗАРЯ». Безлюдные залы игровых автоматов попусту сверкали огня-

ми и заливались однотипными мелодиями – вокруг никого не было, совсем никого.

Под серым небом на берег накатывали волны.

Через двадцать четыре дня на песке найдут два тела.

Спустя пару часов после того, как были найдены лошадиные головы, мужчина в грязной майке, липнувшей к худому веснушчатому телу, стоял у своего трейлера с сигаретой в правой руке.

Как это теперь частенько бывало – порой через день – Майкла разбудили выкрики ведущего игры в бинго. Одни и те же реплики и вопросы, все тот же нудный голос, от которого хоть в петлю лезь. Этот гул, проникающий прямоком в мозг, куда действенней любого будильника. День стоял холодный, пахло пеплом.

Он бросил сигарету, растер ее ногой, глубоко вдохнул и закашлялся.

– Сорок четыре – стульчики.

Майкл ненадолго вернулся в трейлер и накинул выцветшую рубашку в черно-синюю клетку поверх майки. Пора на работу. Он запер дверь и пошел по улице, подальше от любителей бинго.

Энни он оставлял в «Шинах Джо» и каждый день платил этому самому Джо, чтобы тот за ней присматривал.

Конечно, Джо это не в тягость, но услуга есть услуга.

У друга перед автомастерской, среди возвышающихся башен, имелся свой клочок земли – все лучше, чем привязывать Энни к трейлеру, как раньше. Честно говоря, клиентам это даже нравилось. Да и Джо тоже. Людям нечем было заняться в ожидании своих машин, так что они частенько глазели на Энни, а та подходила к забору и выпрашивала у них угощение.

Да, есть в лошадях что-то особенное.

Все ее обожали, а еще обожали Майкла за то, что он разрешал на ней кататься. В это время года дела шли не очень, но время от времени какому-нибудь парнишке хотелось проехаться вдоль пляжа на небольшой повозке. Подростки тоже прибежали к услугам Энни, иногда даже заказывали ночную поездку на свидания, и этот момент надолго оставался самым запоминающимся в их полных разочарования жизнях.

Зато летом бизнес процветал. Майкл с Энни были настоящей командой.

Каждое утро он выводил Энни на прогулку, даже если работы особо не предвиделось. Сидел на берегу моря, пока лошадь щипала травку. Иногда читал газету или даже книгу, а она грелась на солнышке. Почему он приходил туда? По той же причине, по которой открывали пустые залы игровых автоматов, а игру в бинго проводили всего для шести человек.

Он добрался до «Шин Джо» и вошел через заднюю калитку.

– Энни, – тихо прохрипел Майкл. Горло еще саднило после вчерашнего. – Энни! – позвал он уже громче и веселее. Майкл потер усталые глаза. Никто не откликнулся.

Даже на этом небольшом участке она вполне могла где-нибудь спрятаться, за деревом или у выцветших стен давно закрытых отелей, переоборудованных под новые нужды. В некоторых теперь селились бедняки из других городов. Жилье здесь предлагали по дешевке.

На траву падала тень от здания. До моря – всего несколько минут ходьбы. Возможно, когда-то здесь, за вычурной чугунной оградой, пышно цвел чей-то сад.

Он обошел весь участок. Вдалеке с шумом промчалась машина, за ней другая.

– Энни?

Лошади нигде не было.

Все знакомые места.

«МОРОЖЕНОЕ – 1 °СОРТОВ».

«ПАПИН ЧАЙ».

«СРОЧНЫЙ РЕМОНТ ОБУВИ И КЛЮЧЕЙ».

«АМЕРИКАНСКИЙ САЛОН» (повесили букву О вместо У, и название так и прижилось).

«СПИСАННОЕ АРМЕЙСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ», где у двери сидел сердитый хозяин и читал газету, бросая гневные

взгляды на каждого, кто осмеливался пройти мимо.

С прошлой ночи все было усеяно мусором: окурками, чеками, жвачкой, тонкими деревянными шпажками в жирных пятнах и использованными бенгальскими огнями.

Через площадь не спеша катили инвалидные скутеры, то приближаясь друг к другу, то отдаляясь; взоры водителей с изможденными и опухшими лицами были устремлены к земле. Когда-то эти мужчины смотрели на бушующие темные воды моря с высоты нефтевышек или добывали тысячи тонн рыбы в год. Их дела процветали, руки были крепкими, а сердца – мощными и полными радости. Они с улыбкой махали девчонкам и мальчишкам, стоявшим на берегу.

Теперь же они повесили головы и почти не разговаривали. Многие уже и сами не помнили, кто они такие.

С крыши на крышу перелетали чайки. На скамейках сидели парочки средних лет, в основном молча. В воздухе стоял запах пыли, соли, кожи и табака.

Из дребезжащих динамиков за безымянными облезлыми зданиями, окружавшими Рыночную площадь, доносилась песня. Когда музыка звучит так далеко, из нутра какого-то мерзкого паба, слов не разобрать.

– *Czy Alexey wciąż leży w łóżku?* – произнесла в телефон стоящая неподалеку женщина. У ее ног лежали сумки с покупками. – *Powiedz mu, żeby wstał z łóżka. Musi iść do szkoły*².

Говорила она тихо, но ее все равно услышали. Многие от-

² Алексей еще в постели? Скажи, чтоб вставал. Пора в школу (*польск.*).

водили глаза, а одна старушка взглянула на нее с недовольством.

– *OK, ja ciebie też kocham. Zrobię później klopsiki, dobrze?*³

Полька убрала телефон в карман и на мгновение поймала взгляд незнакомки. Подняла с земли сумки и подошла к палатке с вывеской «ЧАЙ, КОФЕ, БУТЕРБРОДЫ».

– С молоком и сахаром, – попросила полька на английском с едва заметным акцентом. Забрала чай, улыбнулась и кивнула продавцу, взяла свои пакеты и ушла.

Когда она скрылась из виду, старушка с болью в голосе пробормотала что-то сидевшему рядом мужчине. Они обсуждали выборы.

День продолжался, народ приходил и уходил.

В 12:02 площадь пересекла полицейская машина и остановилась на углу у парковки. Типичное зрелище, а вот ночью их обычно не увидишь. В темное время суток город представлен сам себе.

Один из полицейских – тот, что постарше и посимпатичнее, если старушке не изменяет память, его зовут Джордж – направился к рыночным палаткам. Тусклые металлические буквы над аркой, складывающиеся в надпись «РЫНОК ИЛ-МАРША», переливались только на ярком солнце.

Через несколько минут Джордж вернулся, сел в машину и уехал.

В течение следующего часа начались пересуды.

³ Хорошо, я тоже тебя люблю. Тефтели сделаю попозже, ладно? (*польск.*).

Старушка поняла: что-то не так. Люди активно жестикулировали, и даже мужчины на скутерах остановились и завели серьезную беседу.

Что-то стряслось.

Она так и сказала своему другу:

– Что-то стряслось, Деррик.

Он просто кивнул. Трудно было понять, о чем он думает.

Старушка повернула голову, неловко вывернувшись всем телом – с возрастом двигаться она стала именно так. Вид у нее был слегка напуганный, но при этом оживленный.

– Что-то стряслось, – повторила она.

Дождь обещали вчера, но пошел он только сегодня.

Над головами лошадей закрепили навесы, местность разделили на три отдельных участка, подъехав на этот раз ближе.

Шестнадцать лошадей, как и сказал Алек. А хвосты... отрезанные хвосты, мокрые от ливня, лежали все в одной куче, прилипая друг к другу. За ними по-прежнему наблюдали безжизненные глаза, которые, несмотря на сильный ветер, не занесло землей. Размещены они были какими-то не совсем ровными кругами, и оттого все это смахивало не на место преступления, а на чью-то большую фантазию.

Хотя свободных патрульных в то утро не нашлось, эта ра-

бота была явно не для Алека. Он ведь сержант следственного управления и способен на большее.

В последнее время он плохо спал.

Проводив главного ветеринарного врача, Алек взялся за телефон.

Врач дал ему контакты специалиста с опытом судебно-медицинской экспертизы, сообщив, что она живет всего в нескольких часах езды отсюда.

– Попытка не пытка, – сказал Алек своему начальнику. Надолго они ее не задержат.

Утром, когда Алек предложил залить найденные следы гипсом, все над ним посмеялись («Может, тебе еще люминол выдать, а, Пуаро? Или сразу позвоним в Отряд Кобра?»), но сейчас ситуация изменилась.

Полицейский участок разрывался от звонков – и звонили не только хозяева лошадей.

Что-то стряслось. Происходило нечто странное. День стоял холодный, было ветрено и дождливо.

– Ладно, – ответил инспектор, разглядывая снимок места преступления. Гарри внимательно присмотрелся к хвостам, к запекшейся крови, к торчащим костям. – Ладно... Я ей позвоню.

Глава 2

На дорогу ушло несколько часов, ее укачало, а таблеток

не нашлось. Обычно она неплохо переносила поезда – да и автомобили тоже, если сама была за рулем, – но вагоны так кренились, что и тело, и разум шли под откос. Весь мир погружался в тошноту.

Сумки с инструментами и приборами лежали на полке. Она отставила стаканчик с красным вином, от которого остался легкий след на губах, и решила посмотреть фильм, но быстро сдалась среди этой толпы и теперь просто глядела на мелькающий за окном смазанный пейзаж. Поезд периодически выплевывал людей на станциях, и вот до Илмарша осталось всего полчаса.

В интернете писали, что некогда это был чудесный городок, где упивались чистым воздухом и отдыхали от будничной жизни, а прямо на берегу моря торговали леденцами и сахарной ватой.

Она закрыла глаза и, подложив под голову сложенное пальто, задремала.

В дальнем конце вагона хлопнула дверь, прошаркали пассажиры с сумками. Кто-то смеялся, глядя в экран мобильного, кто-то тихонько разговаривал. Минуты тянулись медленно.

Вот и конечная станция. Последние шестьдесят миль она проспала.

Купер взяла сумки и вышла на платформу – вокруг ни души. Судя по табло, поезда проходили здесь раз в два часа, не чаще. На столбах полно старых выцветших объявлений

и киноафиш с рекламой фильмов, вышедших больше года назад. По тому, насколько сложно в городе что-то продать, сразу становится ясно, что это за место.

Ни ограждений, ни охранников, вообще никого. Одна лишь платформа, закрытая комната ожидания и небольшая клумба с красными и голубыми цветами.

Через пару минут приехало такси. Водитель оказался довольно вежливым и спокойным, разговоров, к счастью, не заводил.

Когда приехали по адресу, который дали в полиции, она почувствовала, что море уже близко, хотя воды по-прежнему не было видно.

Впереди поле и дубы. Повсюду очертания мрачных грязных отелей, некогда белая штукатурка которых за сотню лет приобрела серый оттенок. На этой странной улице особенно выделялось здание проката автомобилей, красное и приземистое, с яркой вывеской «ШИНЫ ДЖО».

Внутри пахло пеплом и сигаретным дымом. Рядом с прилавком, за которым сидел подросток со связкой ключей, — целая полка освежителей для машины.

— Это ты Джо? — спросила она.

— Чего? — растерянно отозвался парень.

— Ты Джо?

— С чего бы это?

Она нахмурилась.

— На вывеске написано «Джо».

– На какой еще вывеске?

– Ну, снаружи, прямо над... – Она вздохнула и попыталась смягчить свой сердитый взгляд улыбкой. – Ладно, не важно. Я пришла за машиной.

– Какая именно вам нужна?

– На прокат. Ее уже для меня заказали...

– Кто заказал? – Парень перестал копаться в ключах.

– Полиция.

– А, вы здесь из-за фермы, – сделал вывод подросток. Она никак не отреагировала.

– Имя?

– Купер Аллен.

– На четыре дня, – сказал парень и отдал ей ключи.

До отеля она добиралась уже в темноте. Дорогу вдоль набережной подсвечивали фонари, увитые гирляндами. На стене здания красовалась старомодная вывеска:

«КОУТС-ИНН».

Шел дождь, но Купер решила не надевать капюшон – идти недалеко. Перед входом в гостиницу она пригладила темные волосы, и на руках, а затем на грязном стекле двери осталось несколько капель дождя.

Стойка администратора была закрыта.

Рядом табличка: «ТОРГОВЛЯ НАРКОТИКАМИ ЗА-

ПРЕЩЕНА. НАРУШИТЕЛЯМ БУДЕТ ОТКАЗАНО В ПРОЖИВАНИИ».

Ладно, никаких наркотиков.

В аквариуме с желтой подсветкой булькают пузыри. Где же все? К главному холлу примыкает ресторан, однако он либо на ремонте, либо вообще не работает. У дальней стены, будто после налета, свалены в кучу диваны и грязные матрасы.

– Чем могу помочь?

К Купер подошел пожилой лысеющий мужчина. Она сообщила ему свои данные и взяла ключ. Он хотел сделать ксерокопию ее паспорта, и Купер пришлось доказывать, что на жителей Великобритании данное правило не распространяется.

– Вы что, постоянно снимаете копии чужих паспортов?

– Нет, – пробормотал мужчина и поспешил уйти.

Хм.

Купер пошла искать свой номер. Повсюду висели таблички с предупреждением не перегружать старый лифт с задвигающейся вручную решеткой. Это не стало проблемой – Купер ехала в нем одна. На нужном этаже тоже никого не оказалось, но в подобных местах независимо от присутствия людей всегда возникало такое ощущение – одиночество среди незнакомцев. Так даже хуже, чем когда за тобой наблюдают. И пусть Купер не жаждала заводить с кем-то беседу, все равно не хотелось думать, что она тут одна.

Доставать вещи она не стала – взяла с собой совсем немного, ровно на обещанные четыре дня. Туалетные принадлежности бросила у раковины в ванной. В рюкзаке лежало несколько бутылок воды, баночка лимонада и жевательная резинка. Купер сняла фиолетовое пальто, зеленую кофту, голубые джинсы и черные часы с красной окантовкой. Зашла в душевую кабину и проверила напор. Дверь ванной оставила открытой.

Она помылась за пять минут. Под кроватью нашелся фен. Волосы сильно отросли и по-дурацки падали на лицо: Купер распускала их лишь по особым случаям. А в последнее время таких случаев в ее жизни не было.

Она натянула красный свитер и джинсы, в которых приехала.

Подошла к окну, раздвинула шторы. Снаружи мир ничуть не изменился.

Через тонкие рамы слышался рокот моря. Если ночью кто-нибудь будет шуметь на улице, она не сможет уснуть. Купер немного постояла у окна, скрестив руки на груди. В темном стекле отражалось ее настороженное лицо. Темные волосы, темные, почти впалые из-за искаженного освещения глаза.

Она выключила свет. Стало спокойнее, да и видно лучше. Вдалеке на воде что-то мигнуло. Может, сигнальные огни какого-то судна? Купер в этом особо не разбиралась. А вот массовое увечье лошадей – это по ее части.

Звонивший ей инспектор первым делом поинтересовался, сталкивалась ли она раньше с чем-то подобным. Есть ли прецеденты? Возможно, этот безумец не в первый раз такое вытворяет?

Мотивом вполне могла быть месть, однако, если Купер правильно поняла, лошади принадлежали разным хозяевам – не родственникам и даже не соседям.

Иногда такого рода убийства служили прикрытием для других преступных делишек, чтобы ужасным зрелищем отвлечь внимание полиции от более обыденных дел.

– Каких например? – спросил инспектор. Из-за плохого сигнала его голос будто потрескивал.

Например, от афер со страховкой.

На поверхности все оказывается не таким уж и безумием. За последние три десятилетия двадцатого века в США были убиты сотни лошадей. Чтобы разоблачить страховое мошенничество, понадобилось вмешательство ФБР – они взялись за дело после того, как стало известно и о человеческих жертвах.

Инспектор сказал, что его команда будет рада сотрудничеству с Купер, а в ожидании ее приезда они пока опросят владельцев лошадей из Илмарша.

Наблюдая в одиночестве за пустынной ночью и морем, Купер снова почувствовала, что тошнота отступает.

Нужно выпить. Да и поесть не мешало бы. Она взяла ключ, вышла из номера и заперла дверь.

Глава 3

За вчерашний день поступило не так уж много обращений. Разбитые стекла в машине, стоявшей у рынка. Драка в пабе после закрытия. Громкие крики из дома, где живет семья с тремя детьми. Родители потом заявили, что у них все в порядке.

В старых отелях было тихо.

Бездомных выгнали из парка и не пускали обратно.

Грузовики привезли ящики с едой и напитками.

Город рассказывал свою историю тем, кто задавал вопросы.

В ближайшую субботу в честь Ночи Гая Фокса жители Ил-марша пойдут в Кингс-парк запускать фейерверки. На берегу будет полно народу с бенгальскими огнями и неоновыми палочками. Снова оживут все кафе, магазины и пабы.

В этом году Ночь костров выпала на седьмое ноября.

Ночью, в пять минут четвертого, владелец «Родной фермы» поедет на своем фургоне в западном направлении. К шести он привезет на скотный рынок тридцать овец, а домой вернется только вечером, навверняка уставший после езды, таскания тяжестей и пререканий с покупателями. Проходя-

щие мимо знакомые, спешащие на салют, увидят, как он выгружает овец из фургона. Кто-то из них потом вспомнит, что одна овца свободно ходила по дороге, но в этом не было ничего странного.

Жители города направлялись в парк.

Некоторые платили пять фунтов, чтобы зайти внутрь и получить программку, другие стояли за ограждением, довольствуясь халявным просмотром.

В парке поставили палатки с хот-догами и сахарной ватой, игровые автоматы и даже платформу, с которой выступали ведущие местной радиостанции. Иногда в этот день включали музыку, и классические мелодии из фильмов и сериалов эхом разносились из больших динамиков под вспышки салюта.

Скоро подожгут огромное чучело человека, который когда-то пытался взорвать парламент.

Потом люди стали расходиться по домам. Кто-то пошел в паб.

Вот и все.

Почти никто ничего не помнил, твердили только, что все было нормально. На фургонах из парка увозили украшения и посетителей. На еще один никто бы и внимания не обратил. Вокруг было столько шума и яркого света, а владельцы лошадей находились так далеко – идеальные условия для похищения животных под покровом радостных криков и огня.

Большую часть животных накачали успокоительным. Как вскоре станет известно полиции, хозяева сами об этом попросили, ведь лошадей сильно пугают разноцветные вспышки и грохот.

Они были сонными, покорными.

И поначалу совсем не почувствовали страха.

С пронзительно-темного неба серой завесой падал дождь. Пальто Алека промокло. Он как раз собирался уезжать с фермы, когда позвонили из участка. С ним хотел поговорить какой-то старик, он якобы видел, как все происходило в ту ночь. Бродяга, дремавший в разрушенном каменном доме близ фермы. Прописки нет, постоянного места жительства тоже. Никаких друзей, никакой связи с тем, что случилось. Просто пришел в полицейский участок и рассказал про лошадей и фонарик.

– Думаете, он говорит правду?

– Не знаю. Сам у него и спроси, – буркнул инспектор и

повесил трубку.

Алек поехал в центр города. Мокрые брюки прилипали к сиденью. Участок давно объединили с библиотекой, и бюджет округа в основном уходил на замену привычных приемных и стоек регистрации электронной службой поддержки. В опустевшей с момента слияния библиотеке был лифт, но пользовались им только при необходимости: от охранной системы одни мучения. Вход в участок располагался с торца здания, к нему вела зигзагообразная металлическая лестница.

Десяток камер наблюдал за тем, как Алек поднимается, крепко держась за ржавые перила, скользкие от дождя.

Он поднес пропуск к считывателю, зеленый огонек мигнул, и дверь открылась.

Инспектор махнул ему из-за стеклянной стены своего кабинета и указал в дальний угол помещения. Раздраженно буркнув, Алек направился в комнату для допросов. Вот урод, мог бы хоть поздороваться. А еще лучше – ввести в курс дела.

Бродяга, как и было обещано, ждал Алека. На столе перед ним стояла банка колы, но за все время разговора он так ее и не открыл. Они сидели друг напротив друга, оба промокшие.

– Принести вам полотенце?

– Чего? – переспросил бездомный.

– Сейчас вернусь.

Алек нашел в туалете только бумажные полотенца – при-

ятного голубого цвета, в такой часто красят спальни. Принес рулон в комнату для допросов, и они одновременно начали вытирать волосы и одежду.

А потом бродяга поведал ему свою историю.

Глава 4

Свидетель

Здесь создавались хвойные насаждения – росли мощные, высокие деревья, зелень которых была видна даже ночью. Ими любовались. Им позволяли жить, пока вокруг них не формировались свои экосистемы, пока они не становились привычной частью пейзажа для проезжавших мимо или живущих неподалеку. А потом их начисто вырубали, продавая древесину на производство бумаги. Их красота заключалась в смерти, в непостоянстве. О них быстро забывали.

Эти омертвевшие поля тянулись вдоль ферм, рек и прудов. Текла вода, росли другие деревья, и отчетливо виднелись те места, где некогда бок о бок стояли хвойные великаны. Теперь же здесь все было неподвижно.

Бродяга знал, как дует ветер и как тут кричат птицы. Мог отличить их по пению, а вот в названиях не разбирался. Собирался зайти в библиотеку и посмотреть в интернете, когда снова окажется в городе. Может, хоть там найдется ответ. Он обязательно запомнит, как называются все эти птицы. Будет стараться изо всех сил. Библиотечная карточка,

пусть выцветшая и потрепанная, у него еще сохранилась.

За несколько часов до убийства лошадей он шел среди деревьев, солнце висело низко и пряталось за пеленой облаков. Земля была усыпана сухими листьями. С каждым шагом они все громче шуршали под ногами. Приятный звук, успокаивающий. По пути скиталец то и дело осматривался. Кругом было много останков, хотя по-прежнему встречались и живые звери – белки, ежи и даже барсуки. Говорят, недавно близ города видели дикого кабана.

В его жизни существование являлось единственной целью. Он бросил всех, кого любил и кем дорожил. И жил в спокойствии.

Через полчаса бродяга вышел к озеру, у которого ржавел остов сгоревшей машины, и помылся. Сунул руку в рюкзак и под звон лежавших в нем кружек и кастрюлек достал тряпку, чтобы вытереться. Когда вернется, сделает себе кофе. «Какой же сегодня день?» – задумался он, глядя на небо.

Скиталец оделся и пошел обратно к лесу. Надо собрать материал для разведения костра: полусухой мох со стволов деревьев, короткие и длинные ветки и щепки. Сначала положит тонкие палочки, потом добавит подлиннее и потолще, чтобы огонь разгорелся получше. Только благодаря воде здесь сохранялась жизнь со всеми ее изъятиями. Он нашел все необходимое и зашагал назад. Постепенно темнело.

К сумеркам уже пылал костер. Бродяга скатал мох и тонкие щепки в шар, сделал в нем пальцем небольшую выем-

ку, зажег спичку и бросил ее в самый центр, подул, чтобы пламя схватилось. Все это происходило у небольшого каменного строения, которое последние несколько ночей служило ему домом. Длинные ветки он положил сверху крест-накрест. Костер помогал не замерзнуть, а света хватало, чтобы почитать книгу. Он разогрел банку фасоли, вскипятил воду для кофе. Вчера ему удалось поймать птицу с какой-то биркой на лапе. Птицу он ощипал и разделал.

Где-то далеко в темноте вспыхивали фейерверки.

Едва слышный свист, потом приглушенные хлопки, и вот на черном небосводе мерцают звезды. Салюты запускали не в первый раз за последние недели, но сегодня их прямо не остановить. Когда же седьмое число? Когда должны разводить огромный костер и запускать фейерверки?

Только представьте, что ваше чучело сжигают каждый год на протяжении сотен лет. Страшно подумать.

Костер потух. Он закрыл книгу, пошел в каменный дом и зажег свечу. Кровать уже была расстелена, под одеялами тепло. Это, конечно, не дом, а развалюха: тесный, с прохудившейся крышей, но лучшего места для ночевки он еще не находил. Лес близко, озеро тоже. Вокруг никого. Он был бы не против тут остаться.

Пару раз скиталец видел фермера, своего ближайшего соседа с «Родной фермы». Мало кто знал, откуда взялось такое название. Просто хорошо подходит для хозяйства, очень оптимистичное. Но связано оно было вовсе не с чувством

родства, а с родником, который бил в лесу – на земле, что когда-то принадлежала этому участку. Но людям нравилось это название.

С фермером бродяга не говорил, просто заметил его издалека и спрятался – чтобы тот его не выгнал. Потом видел, как фермер вырубал крапиву, как гулял с собакой. Вид у него был одинокий. Как у заключенного.

Бродяга лег спать.

Проснулся еще до рассвета.

Было темно. Свеча сгорела не полностью, и он снова зажег ее.

На мгновение послышался шум двигателя – как у легкой машины или небольшого грузовика. Бродяга выглянул из окна, но рядом с домом никого не было. Звук доносился с фермы.

На полях во мраке вдруг заплясал фонарик – нет, даже два фонарика. Они дергались в воздухе, а потом их положили на землю, и свет был направлен горизонтально.

Он накинул пальто и вышел из каменного дома. Хотел посмотреть.

Чьи-то руки разглаживали почву вокруг безжизненных очертаний.

Незнакомцы ходили взад-вперед.

Один из них плакал.

На следующее утро бродяга собрал свои вещи и покинул дом – до приезда полицейского. До этих глаз в земле. До того, как все началось.

– Я вернулся, – дрожа, сказал он Алеку. – Я не мог оставаться один, хотелось побыть среди людей... И взять новых книг в библиотеке. Я вернулся в город и узнал, что произошло... Узнал, что они натворили.

Стол был завален голубыми бумажными полотенцами. Алек посмотрел на бродягу.

– Мой рассказ помог? – спросил тот.

Алек поинтересовался, сможет ли он опознать этих людей. Как они выглядели, какого были пола? Хоть какие-нибудь отличительные черты?

– Они... они плакали. Точнее, один из них плакал.

В остальном бродяга не мог сказать ничего конкретного, из-за чего очень расстроился.

– Помог, – ответил Алек, выдавливая улыбку. – Конечно, помог.

Скиталец просиял и кивнул, его усталые глаза заблестели. Идти ему было некуда.

С помощью Алека он спустился по металлической лестнице.

Больше Алек его не видел.

Глава 5

В доме играла песня о конце света. Играла так громко, что слышно даже на улице. Шторы были задернуты, в камине горел огонь, настоящий огонь, озарявший комнату золотым мерцанием.

В углу кухни играл ребенок. Он соединял скрепки в цепочку, обматывал ею деревянные стулья и развешивал свои игрушки.

Алек старался, как мог, но не знал, как общаться с мальчиком.

Его жена стояла у плиты, перемешивая фарш с томатным соусом, а томатный соус – с фаршем.

Запах еды с порога ударил ему в нос. Заиграла другая песня.

– Я дома! – крикнул Алек, но никто его не встретил: супруга все еще занималась приготовлением ужина, а сын... Сын не отрывался от своих скрепок. Проходя мимо Саймона, Алек взъерошил ему волосы, и мальчишка недовольно заворчал.

– Как прошел день? – не оборачиваясь, спросила Элизабет.

Он обнял жену за талию, но она отстранилась.

– Не отвлекай, пока я готовлю.

– День прошел отлично, – соврал Алек и снова потянулся обнять ее.

Элизабет сунула деревянную ложку ему в руки:

– Сам теперь мешай.

– Так стыдно, что я задержался. Извини.

И снова ложь – вовсе ему не было стыдно.

– Ничего страшного, – соврала в ответ супруга, снимая с плиты кипящие спагетти.

– Все из-за этого нового дела... Ты не представляешь, с чем мы столкнулись.

Играла музыка, ребенок все возился в углу. Элизабет молчала.

– Говорю, ты не представляешь, с чем мы столкнулись.

– Я тебя слышала.

– Ты явно не в духе. В чем дело?

– Ты явно не в духе, – повторила она, передразнивая его голос.

– Ну замечательно.

– Ну замечательно. – Элизабет забрала у него ложку и продолжила мешать, пробовать, готовить. Уголки ее губ приподнялись, и Алек тоже улыбнулся.

– Ты просто все за мной повторяешь.

– Ты просто все за мной повторяешь.

– Не знаю, чем провинился Алек Николс, но ему очень жаль.

– Не знаю, чем провинился Алек Николс, бла-бла-бла.

Услышав это, мальчик рассмеялся, и улыбка Алека, как ни странно, стала шире.

Он нежно коснулся руки Элизабет. Она раздраженно обернулась.

– Кажется, Алек Николс не понимает, как сильно ему повезло.

Эту фразу она повторять не стала, а лишь нахмурилась в ответ.

– Давай... давай сначала поужинаем, а потом поговорим. Когда я его уложу.

Через пару секунд Алек подошел к семилетнему сыну, поднял его и попросил убрать все игрушки.

Затем, пока жена накрывала на стол, он вернулся в прихожую и снял пальто. На рукавах еще оставался снег – наверное, попал и на Элизабет, когда он ее обнимал.

Как же он устал. Алек потер глаза, чувствуя, как к вискам поступает головная боль.

А что, если...

Хватит, надо остановиться.

Алек стоял перед домом, весь покрытый грязью. Внутри не горел огонь, не играла музыка и не готовился ужин.

Там было пусто. Теперь это другой дом, в совсем другом месте и времени. Саймон по-прежнему с ним, но сегодня ушел в поход с другом. Парню восемнадцать, он давно уже не развешивает игрушки на скрепках. Скоро окончит школу. Несмотря на беспокойство Алека, Саймон не боялся плавать в море, его не пугали приливные течения. Чаще всего он сидел дома, читал или играл в компьютерные игры. Они часто проводили вечера вместе – молча, потому что ни отец, ни сын не знали, что их ждет в будущем. Кем Саймон хотел стать? Сначала, что удивительно, думал пойти в полицейские. Потом задумался о карьере врача – или ветеринара, если недотянет. Но действительно ли одно сложнее другого? Скорее всего. Наверняка спасти жизнь человека труднее, чем жизнь собаки?

Алек пытался объяснить сыну, какие проблемы ждут его впереди при подаче документов в несколько университетов, однако Саймон все равно не мог определиться.

Мы слишком многого требуем от восемнадцатилетних.

Стемнело, солнце зашло за горизонт и уже не отражалось в глазах лошадей. Осень никак не желала сдаваться в битве с приближающейся зимой, и следующие несколько дней обещали быть теплее. Хотя после сегодняшнего дождя в это не особо верилось. Погода стала совершенно непредсказуемой.

Алек зашел в дом, включил свет и снял грязную обувь.

Бросил ботинки на крыльцо и запер за собой дверь. Отопление он еще не включал, так что внутри было холодно.

Все тело Алека, от пяток до макушки (а рост его составлял метр восемьдесят), было покрыто грязью и засохшими брызгами. От черных брюк и пиджака воняло. Слякоть не пощадила и белую рубашку. Когда дождь зарядил всерьез, Алек надел пальто, хотя, наверное, зря – лучше бы небеса смыли с него всю эту гадость.

Он разделся до трусов и посмотрел на себя в треснутое зеркало в прихожей.

Пора бы купить новое.

Но если его снять, зеркало развалится на куски, а это вроде как плохая примета. Да и послужит еще – отражение-то по-прежнему видно. Щетина измазана в грязи, на щеке – следы крови. Видимо, где-то поцарапался.

Голова немного болела. А еще он очень хотел пить.

Алек пошел на кухню.

Обычно в это время в гостиной вовсю вопил телевизор.

Алек вздохнул. Поставил чайник, сунул все свои грязные вещи в стиралку, а сам залез в душ и стоял под обжигающе горячей водой минут десять. Подростком он любил принимать ванну – так в отсутствие личного пространства появлялась хоть какая-то возможность побыть одному.

Интересно, как будет продвигаться расследование?

Место преступления, безусловно, встревожило его, но одновременно и заинтриговало. На это дело дадут дня четы-

ре (инспектор не любит выделять лишние средства), однако вряд ли стоит надеяться на лучшее. Очередные плохие новости заменят старые, новая неделя принесет с собой еще больше ужасных происшествий, и народ совсем позабудет об этих лошадях. К завтрашнему утру Алек надеялся получить показания и сведения по каждому владельцу убитых животных. В отделе намеревались рассмотреть версию со страховкой, и даже если она тут окажется ни при чем, опрос хозяев все равно может дать что-то полезное. Эти люди хорошо разбираются в лошадях: знают, где их держат, как с ними обращаться – и как их убить.

Да, владельцев еще рано исключать из списка подозреваемых.

Алек попытался выкинуть все эти мысли из головы. Дома надо отдыхать, а не думать о работе.

Место происшествия укрыли от дождя – лишь бы не смыло следы и улики.

Алек выключил воду в душе, вытерся сыроватым, давно не стиранным полотенцем. Потом оделся, спустился на кухню и понял, что чайник надо греть заново. И зачем он его вообще включал?

Вздыхнув, он щелкнул кнопкой и стал ждать, когда вода опять закипит. Глянул на фотографию рядом с календарем – на ней Саймону всего шесть лет, а у Алека не просто щетина, а густая борода.

Между ними, обняв Алека, стоит Элизабет. Она улыба-

ется, и он тоже. Ее светлые волосы коротко подстрижены, а он свои темные тогда, наоборот, отращивал. Такой вот был своеобразный период – до того, как начались ссоры, до того, как они узнали друг о друге много нового.

Теперь волосы у Алека короткие и взъерошенные.

И с чего вдруг он весь вечер о ней вспоминает? Может, потому, что Саймона нет дома? Или потому, что на работе выдался тяжелый день? Этот фермер со своей семьей, безлюдный участок земли среди полей...

Алек сотни раз сталкивался с подобной атмосферой. Сейчас-то что на него нашло?

Чайник закипел.

Мусорное ведро переполнено. И почему он раньше его не вынес?

Желая чем-нибудь себя занять, Алек взял черный пластиковый мешок и вышел на улицу.

Снова начал вспоминать все, что случилось за день: фермера и бродягу, того грустного бродягу, которого он все-таки заставил улыбнуться. Приятно.

Луна становилась тоньше, а ночь – все более скверной. Алек открыл крышку мусорного бака на колесиках, бросил пакет внутрь и покатил бак через двор по высокой мокрой траве.

От ветра шуршали листья на деревьях, слегка покачивались забор. Алек открыл ворота и потащил бак за собой в переулок. Илмарш – город узких, ограничивающих передвижение улочек. В пригороде, конечно, просторнее, хотя и здесь, к югу от центра, у края полей, Алек чувствовал тошнотворную тесноту.

Этот район некогда представлял собой сплошные болота. Когда к одному дому через три улицы отсюда делали пристройку, в земле нашли монеты с потертыми профилями и осколки древнескандинавской керамики. В прошлом году об этом даже писали в местной газете, которую вскоре перестали издавать. Болотистая местность, ставшая домом для многих изгнанников, и дала название городу⁴.

В стране был дефицит рыбы, надо было где-то поселить рыбаков, вот и решили осушить эти болота вместе со всеми, кто жил и умирал среди камышей.

А потом в море обнаружили нефть.

Из-за дождя Алек почти ничего не видел. Промокшая футболка липла к телу, но, несмотря на чертов ливень, он все равно катил за собой мусорный бак.

Пройдя еще немного, Алек обернулся.

Вокруг ничего не было. В переулке совсем пусто. Ну конечно.

Он зашел обратно в дом и хлопнул дверью с такой силой, что все затряслось.

⁴ От англ. «marsh» – болото, топь.

Бросил взгляд на дурацкий чайник, который придется кипятить в третий раз.

Завибрировал телефон, лежавший на столешнице рядом с ключами.

Сообщение от Джорджа: «Давай по пинте в „Олене“».

Он всегда приглашал Алека, когда все собирались в паб. Ну, может, и не всегда, но довольно часто – подобных сообщений у него накопилось немало. Алек каждый раз придумывал отговорки: проблемы на работе, что-нибудь насчет сына, нужно побыть дома.

Он и сам не понимал, что с ним не так.

Ему хотелось быть другим.

Кто-то однажды сказал Алеку, что к новому месту привыкаешь за четыре года. Что за бред? Четыре года пролетают, как мгновение.

Алек все так же скучал по Элизабет. Они причинили друг другу столько боли, но ему все равно ее не хватало.

Он сменил футболку и надел пальто.

Представив, что в каком-то другом мире она была бы жива, а он не чувствовал бы себя одиноким, Алек вышел на темную улицу.

Глава 6

Навесы трясло и едва не срывало под натиском дождя. Вода уже скопилась у головы молодой кобылы бурой масти по

кликче Салли. Она была лучшим другом своего хозяина.

Правда, как все это разглядишь, если в такой глуши даже фонарей нет?

Той ночью тоже никого не было видно.

Даже если бы они стояли вплотную и смотрели прямо на вас, вы бы все равно их не заметили.

Не увидели бы ни серые противогазы, ни резиновые перчатки.

Когда тебя видят – это прекрасно.

В звездах, погибших многие тысячи лет назад, еще теплилась надежда.

Они шли в темноте.

Глава 7

Все стены паба украшали оленьи головы.

– Как думаешь... – Алек помолчал. – Как думаешь, я нравлюсь людям?

Джордж молча посмотрел на друга. На его уставшем лице появились морщинки, обветренные губы растянулись в широкую улыбку.

– Господи, с чего вдруг такие вопросы? – Он покачал головой и сделал глоток пива.

У игрового автомата сидел двадцатилетний парень в бейсболке. Он шмыгнул носом и почесал затылок. Незнакомец средних лет разговаривал с женой по телефону. Ему отка-

зали в пособия по инвалидности, но ничего страшного, он что-нибудь придумает. Все будет хорошо. За столиком в углу пять лысеющих мужчин громко смеялись над какой-то лишь им понятной шуткой про Аргентину. Вдоль кирпичной стены восковыми фигурами выстроились пожилые парочки. Из-за непогоды в пабе собралось на удивление много посетителей.

– Со мной люди разговаривают совсем не так, как с тобой, – слегка обиженно ответил Алек.

– Какие люди?

– Не знаю, в пабе, например.

– И как же они с тобой разговаривают?

– В том-то и дело, они... они в основном молчат. Пялятся на меня, вот и все, и им плевать, если я замечаю их пристальные взгляды. Им не хочется узнать меня получше, не хочется, чтобы я вообще сюда приходил. Может, это из-за моей работы или моей манеры вести беседу.

– Да какое тебе вообще дело до этих людей?

– Не знаю. – Алек поморщился. – Все хотят нравиться другим, разве не так?

Джордж рассмеялся, допил свое пиво и заказал еще.

– Не стоит даже время тратить на такие переживания. Взгляни на все по-другому.

– Просто я не люблю, когда меня осуждают.

Они немного поговорили о деле, о свидетеле, о возможной причастности тех двоих. Вскоре разговор зашел о начальнике.

Пару недель назад в участке уволили несколько полицейских – Алек их почти не знал, а вот для Джорджа они были давними друзьями и напарниками.

– Гарри всего лишь делал свою работу.

Джордж покачал головой.

– Никто не заставлял его их выгонять.

– С ними все будет в порядке.

– А когда и нас тоже выпрут?

Алек поставил бокал на стол.

– Не выпрут.

– Почему это?

– И так уже работать некому, как тогда...

– Работать и раньше было некому, – парировал Джордж.

– Я не за этим сюда пришел.

– Ты о чем?

– Очень уж пессимистичная у нас беседа, – ответил Алек, и Джордж засмеялся.

– А сам сейчас десять минут жаловался на то, что тебя никто не любит.

Алек нахмурил лоб.

– Однажды ты придешь на работу и всех нас поубиваешь.

– Что за хрень ты несешь?

– Ты прямо как тот почтальон. – Джордж опять усмехнулся. – С побережья, если не ошибаюсь? Как же его звали...

Алек даже не улыбнулся.

– Он не был почтальоном. И тут нет ничего смешного. Лучше не надо...

Джордж приложил палец к губам и осмотрелся с притворной настороженностью.

– Не волнуйся, нас никто не слышит.

Он отхлебнул пива, и его улыбка как-то изменилась.

Разговор перешел на другие темы. Начали болтать о старых делах, про которые вспоминаешь лишь в такие вечера.

Вечера, когда ты забыл, где твое место. Когда больше нечем заняться. Когда ты не знаешь, нравишься ли ты людям.

В конце они опять вернулись к этому вопросу.

Перед уходом Джордж все-таки решил дать напарнику совет. Решил поделиться с ним главным секретом всей жизни.

– Старайся помогать другим. Думай не только о своем благополучии. Не только о том, что в твоём понимании правильно и пристойно. И тогда все эти мысли, – он показал на голову Алека, затем на свою, – улетучатся.

– Эгоистичный подход, – с усмешкой сказал Алек.

– Почему это? Разве ты стал полицейским не для того, чтобы помогать людям?

– Завоевывать расположение окружающих, помогая им, – это как-то...

– Нет-нет. – Джордж натянул пальто. – Если все сделаешь правильно, то вообще не станешь думать о том, нравишься ты кому-то или нет. Их счастье распространится и на тебя. Только это и будет важно. – Он посмотрел на пустые бокалы с отпечатками губ, почти как от помады. Алек не вставал с места. – Так что не переживай, понял?

– Ага, как будто твои слова мне очень помогут...

– Разве отец ничему этому тебя не учил?

Алек молча уставился на бокал.

– Ну, тогда просто будь собой, – со вздохом добавил Джордж.

– Так и сделаю. – Алек сделал глоток пива. Его друг не спешил уходить. – Сейчас допью и пойду.

Джордж вздохнул.

– Серьезно, все в порядке...

– Не похоже.

– Доброй ночи, Джордж.

Немного помедлив, тот ушел, снова вздохнув напоследок. Алек еще посидел, разглядывая свой бокал, потом залпом осушил его и пошел к бару.

– Виски, пожалуйста, – заказал он, опираясь на деревян-

ную стойку.

Заскучавший бармен кивнул.

– Двойную порцию, приятель?

– Двойную.

Пока бармен наливал виски, Алек смотрел в зеркало за барной стойкой.

Ощувив боль, потянулся в карман за парацетамолом.

Нет, садиться обратно за стол нельзя. Сквозь мутное окно Алек увидел террасу паба, огороженную забором из искусственного бамбука и освещенную фонариками.

Нужно подышать свежим воздухом, пусть и под дождем.

Нужно вырваться отсюда.

Алек вышел на улицу под звук колокольчиков над дверью. Лишь через пару мгновений, через пару глотков он понял, что рядом кто-то есть.

У деревянного столба в углу террасы, укрывшись под навесом от дождя, стояла женщина. На ней был красный свитер с черным цветочным узором, похожим на чернильные кляксы. Голубые джинсы заправлены в коричневые сапоги. Она внимательно смотрела в телефон и даже не подняла голову. На столике перед ней – толстая папка с бумагами и записная книжка, прижатые сверху бокалом пива, чтобы не унесло усиливающимся ветром. Через спинку стула перекинута фиолетовое пальто.

Капли дождя на ее темных волосах переливались в свете мобильного. Она слегка прикусила губу, взволнованная чем-

то на экране. Незнакомка получила какое-то сообщение, и уголки ее рта вдруг поползли вверх. Алек тоже улыбнулся, и в этот момент она его заметила.

Черт. Он отвернулся, уткнув взгляд в бокал.

Направился внутрь, глянув напоследок через плечо.

Алек поставил бокал на стол, надел пальто и вышел из паба.

Алек выпил лишнего. Надо проветрить голову, поэтому дорогу домой он выбрал подлиннее, вдоль набережной.

Бушевала гроза, но зал игровых автоматов работал даже в такой вечер.

Трейлер, стоявший на парковке у кирпичного здания кафе, качало на ветру.

Внутри горел свет, на пороге стоял мужчина в капюшоне. Незнакомец с каплями дождя на лице посмотрел на Алека, а Алек, тоже промокший, посмотрел на него.

На мгновение оба замерли. Неоновые вывески раскачивались среди шума ливня. Их гул наполнял весь мир, пока больше ничего не осталось.

Мужчина пошевелил губами. Алек не понял, что именно тот произнес и с кем вообще разговаривал. Да и какое ему дело?

Рассерженный, сломленный, он развернулся и зашагал до-

мой, к зданию, которое вовсе не хотелось называть домом, ведь там его ждала одинокая холодная постель.

Завтра Алек пойдет и выкопает лошадей. Встретится с судмедэкспертом, вместе они разберутся, кто это сделал, и тогда эксперт уедет, а он останется. И будет жить дальше своей дерьмовой, расколотой на мелкие части жизнью.

И, пока возможно, будет делать то, что должен делать.

День 2

– Однажды она задала мне вопрос.

Фургон притормозил на повороте.

– Спросила, знаю ли я, чего хочет Господь.

Воздух прорезал шум фейерверков.

– Что за странный вопрос?

Водитель не ответил.

– Ты веришь в Бога? Веришь хоть во что-нибудь?

Водитель пожал плечами.

Все вокруг затихло.

Крики смолкли.

Глава 8

На следующее утро Алек окатил пешехода водой из лужи.

Чисто формально это тянуло на штраф в тысячу фунтов.

Алек поморщился и поехал дальше. Парень сам виноват, что его не заметили, – решил побегать в темноте, да еще и по направлению движения.

Вскоре он сбросил скорость – хотел посигналить бегуну, как бы извиняясь, но вдруг тот подумает, что над ним издеваются? В итоге Алек дал газу и помчался на ферму.

Утром на электронную почту прислали файлы со свидетельскими показаниями всех владельцев лошадей. В основном информация была записана во время опросов по теле-

фону, с некоторыми встретились и поговорили лично.

Разнообразный контингент, по-другому и не скажешь: три лошади принадлежали школе верховой езды, еще четырем владела Джоан Марш, некогда член городского совета, а остальными – фермеры и местные подростки. Хозяев двух лошадей, у которых не было микрочипов, найти пока не удалось.

У одного из владельцев, сорокатрехлетнего Майкла Стаффорда, жившего на побережье у моря, имелась судимость. С помощью лошади он зарабатывал на жизнь, катал детишек на повозке вдоль берега. Алек присмотрелся к его досье: нападение с отягчающими обстоятельствами, хранение наркотиков с целью распространения. Все по молодости. И все же ошибки – будто стрелы, летящие сквозь время. Не в силах найти мишень, неспособные остановиться, они стремятся вперед.

В списке выделялись еще два имени – Чарльз и Луиза Элтон, хозяева конюшни. Отлично подходят под таинственную парочку из рассказа бродяги, только вот, учитывая возраст этих двоих, трудно представить, чтобы они могли отсечь кучу лошадиных голов.

Как только Джордж освободится от работы над другими делами, он выяснит подробности по некоторым хозяевам.

Остальными займется Алек. Его ждали на месте преступления через пару часов. Он собирался еще раз поговорить с фермером. Кое-кто из владельцев не только слышал об Аль-

берте Коуле, но и знал о проблемах в его прошлом. Ходили разные слухи о том, почему от него ушла супруга Грейс, а дочь примерно в то же время бросила школу.

С Ребеккой, дочерью Коула, Алек тоже хотел встретиться – ведь это она первой обнаружила лошадей, – однако отец все придумывал какие-то отговорки, отвечал уклончиво, мол, то у нее много работы, то есть что-то срочное на ферме. Алек понятия не имел, какие дела тут считаются срочными.

Ему вдруг вспомнились олени головы на стенах паба.

Он внимательно смотрел на дорогу. Без специалиста им не обойтись. Уж она-то должна знать больше.

Глава 9

Девочка отвернулась от восходящего солнца. Ее лицо исказилось, и она чихнула прямо на влажный, поросший мхом камень. Переливаясь в утренних лучах, капельки стекали в бесцветное болото. В носу что-то болело.

Рядом никого не было.

Сидя на троне, созданном самой природой, Ребекка даже не прикрыла лицо рукой. Здесь не нужен этикет. Здесь можно чихать, не беспокоясь о других, – это и есть свобода.

Ураган все-таки пощадил навесы. Один из полицейских, мистер Николс, уже приехал на место. Приехал на рассвете, как и вчера, и поговорил с ней в присутствии отца.

Как ты обнаружила лошадей? Зачем вышла из дома в

такую рань?

Трогала их?

Может, видела или слышала что-то странное?

Кто вообще мог сотворить подобное?

Ей не спалось, пошла гулять с собакой.

Сначала не поняла, что это такое.

Нет, ничего странного, кроме самих голов, не видела.

И не знала, кто на это способен.

На соседних фермах одиноко светились окна, издалека смахивая на костры.

Под ногами что-то зашевелилось.

Слышен был лишь стрекот сверчков и шорох листьев, похожий на шум дождя.

Девочка посмотрела на землю, и сердце ее забилося быстрее. Будто сама по себе включилась какая-то музыка. Будто в соседней комнате кто-то забормotal.

Под ногами лежало что-то тонкое и плоское... скрученное кольцами...

На мгновение показалось, что это свалывшиеся лошадиные хвосты, которые она нашла через два поля отсюда.

Оно дышало и пульсировало. Ребекка моментально поджала ноги и залезла повыше. Посветила фонариком – существо, теперь уже неподвижное, внимательно смотрело в ее сторону.

Это всего лишь змея.

На ее сером кожистом теле красовался узор из черных

квадратов. Голову короной венчала буква V.

Гадюка отреагировала на резкое движение ног и зашипела. В темноте девочка глядела на освещенную фонариком телефона змею, а та – на нее.

Небо стало светлеть, и вскоре Ребекка снова чихнула. От резкого звука гадюка дернулась назад и обнажила зубы. Интересно, каково это – испытать на себе змеиный укус?

Девочка встала, отряхнула джинсы и поняла, что гадюка уже исчезла.

Словно сон наяву. Словно вся ее жизнь была одним долгим сном.

Неподалеку затормозила машина, приехавшая из города. Кто же это? Ни у кого из немногочисленных папиных друзей такого автомобиля нет. И не полицейская. Кто-то незнакомый.

Почему-то этот звук напугал ее.

Она встала с валуна и покинула свой наблюдательный пост. Когда уедет полиция, надо сказать отцу, чтобы пришел и убил эту гадюку. Тут все-таки овцы поблизости.

Глава 10

Купер прибавила скорость. Под классные песни Купер всегда ехала быстрее. Вот и сейчас из динамиков звучала «Waterloo» группы ABBA, а она громко подпевала.

Дорога оказалась длинной и безлюдной. Во всем мире

только ее машина и лес вокруг.

Купер опаздывала на сорок минут. Вернулась она поздно, легла не сразу. Спала ужасно, кровать в дерьмовом отеле оказалась будто каменная. Однако утром, увидев за окном почти голубые волны в лучах солнца, Купер почувствовала себя лучше. Как там говорится? Смотри на жизнь позитивно?

Потягивая черный кофе из термоса, она пела о победе, о любви, о войне.

Другого диска в арендованной машине не нашлось, да и этот, наверное, забыл предыдущий водитель. Телефон почти не ловил, на радио – одни помехи. Зато с диска играла песня, под которую так и хотелось сильнее давить на газ. Очень бодрящая.

Пять минут Купер уже нагнала и теперь опаздывала всего на тридцать пять. Класс.

У обочины ближе к фермерскому дому стояла полицейская машина, ворота были открыты, следы шин исчезали в поле.

Купер припарковалась немного дальше. Напоследок сделала еще один глоток кофе, сунула неработающий мобильник в карман джинсов и вышла из автомобиля. Открыла багажник, достала сумку и переобулась в резиновые сапоги, поверх одежды натянула непромокаемый комбинезон. Набор инструментов вытащила в последнюю очередь: увеличительные стекла, набор для взятия проб, хирургические щипцы,

щетка для вычесывания блох, шприцы и иглы, в том числе для биопсии, пакетик мятных леденцов и скальпель. Да, под настроение она частенько брала с собой скальпель. Всегда может пригодиться.

Шестнадцать мертвых лошадей с отрезанными хвостами и головами, каждая из которых закопана одним глазом к солнцу.

Они прислали ей все, что нашли.

Купер захлопнула багажник.

У фермерского дома стоял полицейский и, закатав рукав, чесал покрытую красной сыпью кожу.

Купер направилась туда.

Однажды сержант при Купер засунул руку в пулевое отверстие в голове овцы – без перчаток. Они приехали туда по другому вызову о браконьерстве, и обвиняемый просто топтался рядом и кивал в ответ на слова сержанта о том, что рану, должно быть, проклевала птица. Ага, прямо через кость.

Берег реки гудел мухами и сверчками. После вчерашнего дождя все пропиталось влагой – хорошо хоть ничего не затопило. Увидев вдалеке белые навесы, похожие на наполненные ветром паруса, Купер с облегчением выдохнула. Тела успели накрыть.

Сапоги хлюпали по грязи, гул насекомых становился все

громче. Она отогнала от лица рой мошек.

Купер вспомнила о фотографиях: глаза, торчащие из земли, спутавшиеся хвосты.

Есть в лошадях что-то особенное, правда?

Как-то раз после утомительного рабочего дня Купер обсуждала этот вопрос в баре с коллегами. Когда человек попадает в аварию на машине, он говорит «я разбился» или «я врезался», как бы считая автомобиль частью себя. Если задуматься, то с лошадью и наездником все точно так же.

Купер прислушалась к шуршанию камышей. Вдруг показалось, что на нее кто-то смотрит, но рядом никого не было.

Место преступления навевало мысли о каком-то ритуальном обряде. Головы четко расположены одним глазом к небу, рядом в одной куче все хвосты. Очень театрально и броско, словно злоумышленником двигала лишь одна цель – вызвать страх, гнев и возмущение. Это было понятно еще по снимкам, но теперь надо внимательно осмотреть все собственными глазами и узнать подробности.

В таких вымирающих деревнях люди доходят до отчаяния. А отчаянные люди обычно действуют неосторожно.

Вряд ли с этим делом возникнут какие-либо сложности.

Полицейский, высокий широкоплечий мужчина с щетиной в ковбойском стиле, стоял, нагнувшись, и внимательно

рассматривал что-то в земле у навесов. Только когда Купер подошла почти вплотную, он поднял голову.

Выражение его лица сразу изменилось.

– Я доктор Аллен, – представилась она. Купер всегда начинала знакомство со слова «доктор» – это придавало значимости.

Полицейский ничего не ответил – лишь смотрел на Купер так, словно она наступила ему на ногу.

Ей тоже было не по себе.

– Мы с вами раньше не встречались? – спросила она. – Вроде знакомое лицо.

– Нет, – сказал мужчина и заметно успокоился. – Нет, вряд ли. – Почесав шею, он выдавил улыбку и протянул ей руку: – Сержант уголовного розыска Алек Николс, рад познакомиться.

Купер с силой сжала его руку, готовая к энергичному рукопожатию. Глаза у Николса были красными. Кажется очень крепким мужчиной, но явно не в лучшей форме.

Она заметила лежащего на земле ворона – по всему телу следы запекшейся крови. Его чем-то покалечили.

– Извините, я еще не совсем... – неуверенно заговорил Николс и потер глаза. – Всю ночь работал, почти не спал.

– Представляю.

Купер снова перевела взгляд на птицу, Алек тоже посмотрел на ворона.

– Не знаю, важно ли это, но вчера его здесь не было. –

После паузы он добавил: — Это я первым увидел лошадей. Ну, после мистера Коула и его дочери.

Николс снова замолчал. По его внешнему виду было трудно что-то понять. Выглядел он каким-то нервным, однако дело, похоже, не только в этом.

Купер наклонилась и, надев перчатки, аккуратно подобрала ворона, чтобы не навредить ему еще сильнее. Держа птицу на вытянутых руках, она осмотрела разорванные крылья и лапы, затем прощупала грудь.

Ворон бесшумно открывал и закрывал клюв.

Отек брюшной полости. Как она и думала, птица была ужасно истощена и заражена паразитами. Ее мучила страшная боль.

Даже если попытаться вылечить ворона, в дикой природе он не протянет и недели и все равно умрет.

Придерживая птицу посередине одной рукой, другой Купер свернула ей шею. Она положила ворона обратно на землю и посмотрела на Алека. Он ничего не сказал, хотя определенно удивился.

Глава 11

Под навесами поставили большие ведра и корыта там,

где протекала крыша. Свет фонариков лишь подчеркивал мрачную обстановку. На земле расставили несколько тусклых ламп. К колышкам привязали цветную бечевку, отмечая границы каждого участка, представляющего интерес.

Алек заверил ее, что место преступления уже сфотографировали, и все же Купер сама сделала несколько снимков: издалека, на подступе, вблизи. Без надлежащего фотодокументирования не обойтись ни в одном уголовном разбирательстве, если таковое последует, — даже когда речь идет о животных. Особенно когда речь идет о животных.

Только снимки передают всю боль и помогают обнаружить злой умысел.

Купер всю жизнь училась этому и даже большему, однако мир умеет поражать.

Закопанные лошадиные головы лежали на боку, присыпанные землей так, чтобы наружу смотрел лишь один открытый глаз. Под этим навесом голов было пять, все недалеко друг от друга.

Купер опустилась на колени, и почва под ней слегка просела. Она достала из сумки щетку и, решив начать с ближайшей головы, приступила к работе.

Она осторожно смахивала землю по направлению от глаза, присматриваясь, нет ли чего среди крупинок. Поначалу

ничего не обнаружилось, но вскоре, счистив верхний слой почвы, Купер нашла под ним другой, более спрессованный.

Убийца выкопал ямы, бросил туда головы, облепил землей, а уже сверху раскидал комки почвы, чтобы участок не бросался в глаза.

С какой целью? Чтобы лошадей обнаружили не сразу, хотя навеки скрывать содеянное он тоже не намеревался. Чтобы находка вселила страх.

Далее Купер осмотрела место отсечения головы – аккуратно убрала все лишнее от основания обрубка, при этом стараясь не повредить сами ткани.

– Эту обезглавили чем-то острым, – сказала она и в нерешительности добавила: – Только вот... Надрез был явно не один. Возможно, пользовались несколькими инструментами.

– Нанесли режущий удар? – прохрипел Алек.

Да что у него с голосом?

– Не совсем, скорее часть шеи перепилена, – ответила Купер, глядя на лошадиную голову. – Подробности узнаем только в лаборатории.

Судя по объему жира на холке, до смерти лошадь была вполне крепкой и здоровой. Сейчас ее кожа стала холодной и какой-то обмякшей.

Вокруг носа виднелись следы запекшейся крови. Трупное окоченение понемногу проходило, а вот глаза, по мнению Купер, выглядели чересчур мутными для ноябрьской смер-

ти. Процесс разложения шел на удивление быстро, зато насекомые пока не завелись – и то хорошо. В воздухе их кружило куда больше.

Купер приоткрыла рот лошади, с силой надавив на челюсть. Сквозь зубы торчал язык. Она проверила десны – с обеих сторон слизистая оболочка бледная. Прощупала поднижнечелюстные лимфатические узлы – ничего необычного.

– Где хвосты? – спросила Купер, поднявшись.

Они зашли под второй навес.

По дороге сюда Алек не сводил с Купер взгляда. Когда он поворачивал голову, свет его фонарика красноречиво подергивался.

В ее присутствии Алеку было как-то не по себе. Такое чувство, что ответственность за каждую испорченную улику лежала на нем.

– Я не сразу понял, что это такое, поэтому потрогал один из хвостов руками. – Он поежился, а потом спросил, уже не таким сиплым голосом, сталкивалась ли Купер раньше с чем-то подобным.

– С расчленением? Конечно, – ответила она и переступила через натянутую вокруг хвостов бечевку. Они лежали чуть поодаль от очередного круга из голов, как бы изображая кончик английской буквы Q.

Купер встала на колени и сунула руку в перчатке внутрь кучи хвостов. Нащупала костистый обрубок и вытащила один хвост из земли.

– На головах такой же надрез. Как будто двигали пилой туда-сюда.

Затаив дыхание, Купер провела рукой по волосам в хвосте: жесткие, ближе к верхушке на них следы крови и мягкой, изначально жидкой фекальной массы. Может, диарея? Трудно сказать.

Не на всех хвостах нашлись такие же отметины. На первом кровь запеклась сильнее, а значит, сначала хвосты лежали по отдельности.

– Полагаю, их убили в разных местах, – сделала вывод Купер. – И в разное время.

– Мы установили девять владельцев, которым принадлежат четырнадцать из этих лошадей, – сообщил Алек. – У двух оставшихся микрочипов нет, хозяев не нашли. – Он посветил фонариком вокруг хвостов.

– Когда их хватились?

– В смысле?

– Когда заметили пропажу лошадей?

Алек поморщился.

– Большинство узнали только от нас... Вчера рано утром, вскоре после того, как я сам увидел эти головы.

Купер еще немного поразглядывала хвост и положила его обратно.

– Думаете, вам удастся что-нибудь найти? – спросил Алек. – Ну, в лаборатории?

– Не найти можно только в одном случае – если не смотреть.

Все утро Купер ходила из одной палатки в другую и совершала одни и те же действия, которые давали одинаковый результат. Глаза не выклеваны – получается, до момента обнаружения головы пролежали здесь всего несколько часов. А если верить показаниям фермера, нашли их еще ночью.

Перед уходом Алек спросил, были ли лошади в тот момент еще живы.

– Что вы имеете в виду?

– В смысле, когда им отрубили головы – после смерти? Или резали по живому и они чувствовали боль?

Купер соврала, что не знает.

Через поле к дороге тянулись следы шин. Алек показал ей фотографию. Большой фургон, марка и модель пока неизвестны.

– Видеонаблюдение есть?

Алек покачал головой.

Чуть поодаль от лошадей виднелся полуразрушенный каменный дом. Там и ночевал свидетель, по словам которого головы закапывали двое и один из них плакал. В округе пол-

но всякого рода развалин. Брошенные тракторы и ржавые скелеты машин, хорошо заметные при свете дня. Где-то позади блеяли голодные овцы.

Солнце поднималось выше, воздух слегка прогрелся.

– Кстати...

– Что? – Алек повернул к ней голову.

– Вы спросили, видела ли я что-нибудь подобное. – В поле через дорогу паслись овцы, и одна из них сейчас смотрела на нее. Купер отвернулась и потом продолжила: – Так вот, был один человек... Крупное дело на юге, начиналось все в Кройдоне, затем появились новые случаи вдоль шоссе M25.

Где-то вдалеке залаяла собака.

– Этот человек... Он выманивал кошек из домов, бил их, потом разрезал и оставлял трупы на машинах или во дворе у хозяев – напоказ. Хвосты, конечности, головы – все по отдельности.

– Какой ужас, – отозвался Алек, скривив губы.

Купер кивнула.

– Следователи решили, что вред он хотел нанести не столько животным, сколько их владельцам. Предполагалось, что он следил за своими жертвами и ждал, когда хозяин выйдет из дома и обнаружит этот кошмар. В тот момент убийца имел полную власть над человеком, который лишился любимого существа. Для него был важен процесс обнаружения, а не убийства.

Алек вздохнул. Фермерский дом уже был в поле зрения.

– И кто это сделал?

– Пока еще рано судить.

– Нет, я про кошек. Кто их убивал?

Купер молчала.

– Его поймали?

– Расследование объявили закрытым. Полиция пришла к выводу, что это просто нашествие лис. Что ровные надрезы, конечности, разложенные на капотах машин или найденные в завязанных пластиковых пакетах, – все это лишь совпадение.

– И сколько животных погибло?

– Четыреста, – ответила Купер. – Четыре сотни кошек.

Глава 12

Купер съела свой обед – сэндвич с говядиной под тонким слоем неопознанного красного соуса и безвкусным белым хлебом – на обочине рядом с машиной.

Она чуть улыбнулась самой себе, затем, скривившись, проглотила еще один кусок (мысленно скорбя по лошадям, которые тоже превратились в мясо) и допила кофе из термоса, который до сих пор не остыл, хотя прошло уже несколько часов.

Вокруг полно шатких ограждений, в основном дырявых, денег-то на ремонт уже не дают. Наверное, в последние годы «Родная ферма» приносит одни убытки. Если бы только хо-

зьева задумались о продаже. И если б вообще нашлись покупатели. Земля обесценивается, превращается в заброшенные участки. А эти отец с дочерью до сих пор не сдались.

Мать сбежала, девчонка почти сразу после этого бросила школу, и отец учил ее сам. Купер узнала все это от Алека.

Полицейские тогда проверили весь дом, каждый из них повсюду совал свой нос. Мать принимала варфарин из-за проблем со свертыванием крови. На флаконе значилось ее имя: «ГРЕЙС КОУЛ».

Все остальное лежало на своих местах – одежда, украшения. Ей до сих пор приходила почта. Грейс ушла год назад и с тех пор даже не пыталась связаться со своей семьей. Она не желала иметь ничего общего со своей собственной плотью и кровью.

Солнце прорывалось через облака.

Купер доела сэндвич, встала, потянулась. Почти все головы уже погрузили.

Скоро можно будет приступить к вскрытию.

Глава 13

Позже днем Майкл Стаффорд приподнялся в постели и выглянул в окно. Извозчик рассказал полиции все, что ему было известно, но они все никак не унимались. Хотели знать, где он живет, чем занимается. И чего они пристали?

В то утро никто не играл в бинго, до трейлера не доноси-

лась громкая музыка. Ночью шел дождь, и он плохо спал.

В заливе, на горизонте, расплывались черные пятна островов.

Надо бы выпить. Надо открыть окна, проветрить тут все и немного прибраться. Повсюду валялись пустые бутылки из-под водки и рома.

Майкл вышел наружу, в лицо ударил соленый ветер. Он запер дверь и направился в магазин.

По дороге ему позвонил Джо, сказал, что сочувствует.
– Ты о чем?

Тот невнятно прохрипел что-то в ответ, а потом попросил, чтобы Майкл пришел в зал игровых автоматов к трем часам.

Майкл вырос поблизости и остался жить в этом приморском городке, даже когда разъехались все друзья. В двадцать лет он и сам сбежал отсюда, от своих ошибок, однако расплатившись за них, сумел вернуться. Еще с тех лет он прекрасно помнил местных мясников: у одного были пышные усы, у другого – грязная борода, помнил их красные лица, пенно-мясной запах из сточных труб, мыльный раствор на ступеньках, аппетитные куски мяса в витрине, прямо как в кино.

Правда, на месте мясных лавок теперь стоял небольшой супермаркет.

Автоматические двери со свистом разъехались в стороны, когда Майкл подошел ко входу. Он двинулся напрямиком к отделу спиртных напитков и обнаружил его рядом с замороженными продуктами. Нашел отличную бутылку рома со скидкой, схватил ее правой рукой и пошел по длинному проходу к кассе, нащупывая деньги в кармане.

Народу в магазине было не очень много.

Может, кто-то из этих людей ему знаком? Вот пожилая женщина выбирает кукурузные хлопья. Нет, ее Майкл нигде раньше не встречал. А вот дети, уткнувшись в телефоны, стоят у полки с газетами и журналами.

Возможно, Майкл с Энни катали кого-то из них? Трудно сказать.

Он встал в небольшую очередь на кассе, и в этот момент кто-то вдруг коснулся его затылка.

Майкл резко повернулся. Бутылка выскользнула из руки и разбилась о твердый пол, осколки стекла – в растекающейся жидкости, точно камешки на берегу моря.

Сзади никого не было. Майкла затрясло, по телу пробежал холодок.

Он снова услышал звук игровых автоматов, эту жуткую музыку и скрип открывающейся двери.

Прибежал продавец с рулоном голубых бумажных полотенец и совком, начал собирать разбитое стекло и вытирать пол.

– Ничего, я... – начал Майкл.

– Мне нужно все убрать. – Продавец поставил рядом желтую напольную табличку с надписью «Осторожно, мокрый пол!».

– Я просто... – Майкл осмотрелся и замер.

Вокруг собрались другие покупатели, и все они глядели в его сторону. Да на что тут смотреть! Взгляд старушки с хлопьями был полон омерзительной жалости.

Майкла била дрожь, руки тряслись. Через открытую дверь магазина доносилась жуткая музыка игровых автоматов.

– За разбитую бутылку можете заплатить на кассе, – сказал продавец.

– На две мне не хватит, – удивленно уставился на него Майкл. – Нет столько денег.

– Тогда заплатите только за одну.

– Но я же ее не выпил.

– Зато разбили. – Продавец выпрямился. – У нас тут видеонаблюдение, мы все записываем.

– Что это значит? – Лицо Майкла искривилось. – Как это записываете?

– Чего вы так волнуетесь? Просто заплатите, и все.

– Ничего я не волнуюсь! Я спросил, в каком это смысле вы меня записываете? Зачем?

– Ну, мы всех записываем. – Продавец слегка занервничал. – Сейчас везде так делают.

– Зачем? – Майкл был готов расплакаться. Какой стыд.

– На случай правонарушений.

– Кто-то потрогал мой затылок, поэтому я дернулся, – сказал Майкл. – Я... Я же ничего не нарушал.

Продавец молча на него уставился.

– Просто дайте мне то, за что я заплатил. – Тревога в голосе Майкла нарастала. – Разве я так много прошу? Дайте мне то...

Его вдруг перебила старушка:

– Успокойтесь, я заплачу. – Кивая самой себе, она выложила на ленту кассы банку кофе, коробку кукурузных хлопьев и большую бутылку рома. – Пусть рассчитается за битую, а я куплю новую.

– Зачем вам это? – спросил продавец, качая головой, но женщина не ответила.

Тот же вопрос повторил и кассир. Вам, мол, кажется, что вы делаете доброе дело, а на самом деле это не так. Не нужна ему эта выпивка.

Старушка снова промолчала.

Уже на улице она отдала Майклу ром.

– Спасибо, – пробормотал он и схватил бутылку трясущимися руками. Женщина явно хотела продолжить беседу, однако Майкл поспешил отвернуться.

– Не хотите поговорить?

Он быстро зашагал прочь.

– Вот и вся благодарность, да? – крикнула она ему вслед. Майкл не откликнулся и пошел дальше.

Он постарался не напиваться перед походом в зал автоматов. Сделал себе кофе, чтобы взбодриться. Вышел обратно на улицу. Минуты перетекали в часы; такое чувство, что с утра прошло уже несколько дней.

В зале с синими коврами было темно, только автоматы мигали разноцветными лампочками. Какой-то мальчишка расстреливал бегущих по экрану инопланетян. Мужчин постарше интересовали азартные игры, и они собрались в дальней части зала, которую называли «рулеткой». Сюда, к монетным автоматам, пускали только посетителей старше восемнадцати.

Там Джо и пропадал целыми днями. Ходили слухи, что именно ему принадлежит это место. Впрочем, кто-то утверждал, что зал только формально записан на Джо, а на самом деле тут скрывается какая-то афера.

Таблички крутились туда-сюда, сверкали огни, играла музыка. На экранах мелькали утята, прямо как настоящие. На полу валялись монеты и упаковки из-под жвачки.

Зал игровых автоматов работал без выходных, хотя сюда никто не приходил.

И как этот бизнес выживает, когда все остальное вокруг закрывается? Мысль об этом долго волновала Майкла, пока однажды он не выпил и кое-кто не рассказал ему секрет.

Зал автоматов – совсем не то, чем кажется.

– Люди без конца бросают внутрь монеты, а назад ничего не получают, – объяснил мужчина. – Понимаешь?

Майкл ничего не понимал. К ним подошел какой-то парень, начал просить денег, но его друг послал незнакомца ко всем чертям.

– Здесь отмывают деньги. Эти игры, они как чистящее средство, отмывают с денег всю грязь. – Мужчина потушил сигарету в пепельнице, улыбнулся и вдруг взъерошил ему волосы. Майклу это не понравилось. – Как ты думаешь, Майки, куда идут эти деньги? Куда идут деньги этого ублюдка?

И вот Майкл снова здесь, спустя столько месяцев.

Он сидел и ждал Джо, который, возможно, был владельцем зала автоматов, а может, вообще ничем не владел.

– Занято? – спросил какой-то мужчина, взявшись за соседний стул.

Майкл отрицательно качнул головой.

Незнакомец сел, почесал затылок. На вид пожилой, седые волосы, крепкие руки. Где-то Майкл его уже видел. За рулем машины.

– Много проиграл?

Майкл посмотрел на него и после паузы ответил:

– Да.

– Я сам не любитель азартных игр. По крайней мере, не люблю играть на деньги.

– Тогда это место не для вас. – Майкл осмотрелся – Джо

еще не подошел. — Если только вам по вкусу детские автоматы.

Мужчина усмехнулся.

— Можно задать тебе вопрос?

Майкл промолчал. Что-то в этом человеке его встревожило.

— Мы знакомы?

— Сначала ты порадуй меня ответом. — Джордж улыбнулся. — Где ты был в ночь на седьмое?

Глава 14

Над полями плыли облака. Здесь, вдалеке от города, их ничто не прерывало, высоты не мешали их плавному движению.

Когда тебя обвиняют в том, чего ты не делал, это не очень-то помогает укрепить характер.

Хотя какой-то результат все же есть, правда? Этим Алек и занимался, возлагал потенциальную вину на невиновных.

Поначалу ведь не знаешь, кто говорит правду, а кто врет. Такая уж у него работа.

Он приложил телефон к уху и слушал своего друга. На грязной щеке выступил пот.

— Майкл утверждает, что в ночь убийств был на салюте. — Из-за плохого сигнала голос Джорджа казался механическим. — Не знает, кто может это подтвердить, потому что

ходил туда один, но заверяет, что был там. Что тут еще скажешь?

– А права на вождение большегрузов?

– Грузовик не водил уже много лет. Единственное, чем сейчас занимается наш бывший арестант, – катает народ на лошадке. – Немного помявшись, Джордж продолжил: – Перед встречей заглянул в окна его трейлера: парень очень много пьет. Возможно, и наркотиками балуется.

– И как прошел разговор?

– Кажется, он расстроился. Не знаю... Кроме лошади у него никого нет. Она была для него и заработком, и другом, и питомцем. Сомневаюсь, что Майкл мог причинить ей вред.

– В прошлом он был склонен к насилию, – возразил Алек.

– И я тоже. Мы все ошибаемся. – Джордж вздохнул. – В общем, не знаю. Можно попробовать достать видео с камеры на побережье и проверить его алиби: во сколько ушел, во сколько вернулся. Если в этом замешан кто-то из его партнеров, я не удивлюсь, но сам Майкл – вряд ли.

– Ладно. Головы мы отправили в ветеринарную хирургию, консультант сейчас ими занимается.

На том конце провода воцарилась тишина.

С фермы Коулов донесся звук хлопнувшей двери.

– Думаешь, ей удастся что-то откопать? – Голос Джорджа казался приглушенным.

– Она сказала, что головы могли отпилить... Многообещающее начало.

– Странная у нее работа. – Через секунду он добавил: – А вы с ней вроде ладили.

– Что?

– Что слышал. Болтали без умолку.

– Четыре сотни кошек. – Алек нахмурился.

– Мне это ни о чем не говорит.

– Их... их расчленили и подкинули хозяевам... Хотя ладно, забудь.

– Зачем кому-то резать кошек? – озадаченно спросил Джордж. Он был явно шокирован и понизил голос. – Какой ужас.

– Да, жуткая история, – согласился Алек. – Перезвоню позже, хорошо?

– Да, конечно.

Алек убрал мобильный в карман и чихнул.

На мгновение ему показалось, что он чихнул кровью, хотя это была всего лишь игра света.

Когда Купер спросила, встречались ли они раньше, Алек солгал. Точнее, сказал не всю правду.

В свете утренних лучей она выглядела иначе, да и одежда другая: зеленый комбинезон, черные резиновые сапоги. Уставший взгляд. Но это точно она, та самая брюнетка в темно-красном свитере, которой он улыбнулся во дворике у па-

ба.

Не признаваться же, что он и есть тот чудной молчаливый тип с бокалом. Алек не мог понять, что с ним не так, почему его одолевают такие странные мысли. Интересно, заметила ли это она? Мужики вокруг нее, наверное, так и выются.

Вспомнилось, как Купер свернула шею ворону.

Алек уставился на дорогу: сплошь равнинные земли, ни одного холма или оврага. Лишь пустота, перемежающаяся амбарами да парой тракторов, пустота, которая уходит за горизонт, где все остальное скрывается из виду. К востоку отсюда растянулись низкие постройки Илмарша. Даже море можно разглядеть.

За углом амбара стоял большой пластиковый контейнер для мусора, в котором среди ржавых сельскохозяйственных инструментов и аппаратов что-то трепетало.

Алек подошел ближе, солнце отражалось от пластика и слепило глаза. Что это может быть?

Он сдвинул сломанную тачку и вскоре обнаружил то, что привлекло его внимание.

Наполовину сдувшийся воздушный шар слегка приподнялся, затем снова упал.

Серебристый воздушный шар с надписью «С 16-летием!».

ПРОПАЛ КОТ ПО КЛИЧКЕ ДЖЕЙК.

ОКРАС: ПОЛОСАТЫЙ.

**ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ЕГО
ВИДЕЛИ В ИЛМАРШЕ,**

В НИЖНЕМ ГРЕНВУДЕ, ПЕРЕД САЛЮТОМ.

НА ДЖЕЙКЕ КРАСНЫЙ ОШЕЙНИК

**С БИРКОЙ «НЕ КОРМИТЬ» (У
НЕГО ДИАБЕТ).**

**ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ
ЕГО ОТЫСКАТЬ.**

Глава 15

В центре был слив, прямо в середине желтого бетонного пола. Такой есть в большинстве загонов для скота. Судя по следам, недавно туда стекала кровь.

Хотя у открытого входа стояло еще несколько ветеринаров, старый загон казался местом уединенным. Эта уединенность была такой же неотъемлемой его чертой, как широкие, выстеленные сеном отсеки, где животных держали днем, или желтый пол. Такого пола Купер никогда раньше не видела. На полках стояли разные емкости, лежали веревки и материал для наложения швов.

Окон не было, только одна красная дверь в углу, прямо у раковины, через которую входили люди. Рядом с ней – проход для животных, закрытый металлическими рольставнями.

Головы разложили на хромированных столах под белым светом флуоресцентных ламп: две партии по пять и еще шесть. Хвосты лежали на тележке.

Ветеринары уже сняли перчатки и вымыли руки. Стоя у порога, они пили чай. Дул легкий ветерок. Только Фрэнк, старый седой директор ветеринарного центра, и Кейт, юная

робкая мышка, остались допоздна, чтобы помочь Купер.

– Классная кружка, – улыбнулась она.

Кейт опустила взгляд, затем снова посмотрела на Купер и слегка покраснела. На кружке было написано: «Делаю свою работу, не поджигая хвост».

– Друг подарил. Такая вот шутка.

– А мне от одного бывшего досталась с надписью «Бе-е-ез ума от тебя», – сказала Купер, пожав плечами.

– И ты его упустила?

Купер снова улыбнулась, но ничего не ответила. Когда повисла тишина, она попросила своих временных коллег немного рассказать о себе.

Кейт закончила учебу относительно недавно, опыт работы – два года. Здесь она проходила практику, пока училась на заочном, здесь жила в детстве, пока родители не переехали.

Фрэнк – практикующий ветеринар с многолетним стажем. Совладелец центра, крупными животными чаще всего занимается сам. Он подробно остановился на том, как по молодости работал во Франции и Бельгии.

– Ну а вы? – спросил Фрэнк. – Вас-то как занесло в такую сферу?

Купер выдавила улыбку.

– Это не самая интересная история.

– Все равно рассказывайте.

– Телика насмотрелись, да? – добавил Фрэнк.

От чашки Купер поднимался пар и рассеивался в воздухе

на фоне желтого пола.

– Это позволяет заработать на хлеб.

Они говорили о том, что повидали.

Рассказывали о самых страшных вещах.

Об истории инфекционных заболеваний в этом районе.

Тридцать лет назад – коровье бешенство.

Не так давно – ящур.

– Три фермы отбраковали, на остальные наложили ограничения. – Фрэнк скривился. – Владельцы, конечно, получили компенсацию, только вот... Разве деньгами восставишь родословную, которая уходит корнями в прошлое на многие десятки лет? Я был здесь во время первой вспышки, какой же это год? Двухтысячный? Или две тысячи первый? Вы не представляете, что тут творилось. – Он снова поставил чайник и после паузы добавил: – Успели посмотреть наш городок?

– Вчера только приехала, – ответила Купер.

– Думаю, вы уже все увидели. Когда загнулось рыболовство и нефтяной промысел, когда разъехались туристы, вся надежда была на животноводство. Те фермы... Если нынешняя ситуация с лошадьми вызывает у вас скверные чувства, то представьте, каково стоять среди десятков, среди сотен мертвых животных. Смотреть, как их сжигают, как взрослые

мужчины не сдерживают слез. Это очень больно.

– Среди людей тоже были жертвы, – добавила Кейт.

– Да, один из фермеров покончил с собой, – сказал Фрэнк. – Выстрелил себе в рот из дробовика. Эпидемия дважды поражала его скот: сначала в две тысячи первом, потом в прошлом году. А еще тот случай на острове...

– Что произошло?

– На островке в паре миль отсюда сгорела ферма. Никто особо не знал тех людей, но ходили слухи, будто владелец сам все поджег. Кто его знает, как все было на самом деле. – Он покачал головой. – Дурные времена настали, мисс Аллен. Дурные времена.

Фрэнк налил себе еще чая, не предложив остальным.

– А что насчет фермы Коулов? – Купер глянула на часы: пора бы приступить.

– В каком смысле? – переспросила Кейт.

– Как у них шли дела все это время? Сейчас у них в основном овцы, но, может, раньше они держали и других животных?

– Насколько мне известно, у них действительно только овцы. Я бы даже фермой это не назвал, – усмехнулся Фрэнк с некоторым раздражением в голосе.

– У вас с ними возникали какие-то проблемы?

– Не то чтобы проблемы. С их скотом все в порядке, а вот сам Коул задолжал нам несколько тысяч.

Пока они разговаривали, глаза лошадей смотрели в нику-

да сквозь открытые рольставни. Челки на их головах намокли от дождя и растрепались.

Ветеринары разъехались по домам около десяти вечера. Купер осталась, закрыв загон изнутри.

Она потерла уставшие глаза.

Верхний свет располагался как-то неудобно, в загоне было холодно. Ей принесли еще несколько ламп, но их все равно не хватало. Купер приходилось отключать их и переносить за собой по ходу работы.

Она приступила к делу и начала осторожно очищать головы, чтобы обнаружить улики и при этом не уничтожить их. Занятие, обреченное на неудачу, ведь закопанные части тела подвергались воздействию стихий. Приходилось, как и во всем, искать компромисс.

Купер осмотрела головы одну за другой – нет ли между ними заметных различий – например, по степени разложения. Возможно, это ни к чему и не приведет, вода ведь просачивалась под навесы неравномерно, однако сам процесс был сродни разгадыванию головоломки. Никогда не знаешь, что окажется значимым, пока не выстроится более полная картина. Достоверных предположений тоже не сделаешь, потому что улики бывают ненадежными.

Она развесила над каждой головой снимки, сделанные по-

лицейскими.

Первая партия фотографий – закопанные в землю головы, когда их только обнаружили, еще сухие.

Вторая – по-прежнему в земле, когда их впервые увидела Купер.

Третья – головы выкопаны, но все еще на месте преступления. Алек пронумеровал всех лошадей, и Купер разместила фото в соответствующем порядке.

Как она и предполагала, головы пролежали в земле под дождем не очень долго и не впитали много воды. Только одна из них промокла сильнее остальных, и на снимках этому нашлось объяснение: именно эту голову поместили у края небольшого холма, так что рядом с ней, на неровной поверхности, скопилось больше воды.

Затем Купер осмотрела хвосты. Без теста ДНК нельзя точно соотнести их с головами, однако у трех-четырех цвет волос довольно своеобразный и совпадает с цветом гривы, что позволяет сделать обоснованное предположение.

Переходя от одной лошади к другой, Купер выполняла одни и те же действия: заносила результаты осмотра в планшет, затем создавала резервную копию. Первым делом она искала признаки травм или заболеваний, которые могли бы привести к повреждениям кожи, не связанным с их делом.

У нескольких голов нашлись едва заметные кровоподтеки на шее.

Несколько порезов, сделанных, вероятно, ножом. Такие

следы обнаружили в основном на лошадях покрупнее.

Кожа вокруг глаз немного ободрана, значит, их волокли по твердой поверхности.

Большую часть повреждений, за исключением собственно отрезания голов, нанесли уже после смерти.

Затем, насколько это было возможно, Купер провела опознание.

Незнакомцы приобрели индивидуальность. Почти у всех лошадей в шеях нашлись чипы.

По микрочипам можно узнать имена животного и хозяина. Купер дали временный логин для поиска по базе ветеринарного центра, чтобы уточнить возраст и просмотреть медицинскую карту животного.

С большинством лошадей за последний год к ветеринару обращались только из-за одной проблемы – хромоты. Вполне ожидаемо, так как мало что еще влияет на первостепенную ценность лошади, а именно возможность на ней ездить.

Только две головы остались неопознанными: в них не было чипов и об их пропаже никто не заявлял. В таком случае возраст можно определить лишь по зубам. У обеих имелись канавки Гэльвейна, заметные бороздки на резцах, которые появляются у лошадей после десяти лет, постепенно удлиняются, а в более старшем возрасте исчезают. У одной канавка

доходила до середины зуба, у второй была чуть короче. Судя по состоянию других зубов и самой головы, Купер дала бы первой лошади от семнадцати до девятнадцати лет, а второй, пожалуй, от двадцати двух до двадцати пяти – уже старушка. В голову Купер вдруг пришла странная мысль – а почему именно старушка? Пол же она определить не может.

У раковины в углу Купер привела себя в порядок. В горле пересохло, даже слегка саднило, но заканчивать она пока не хотела.

Купер рассмотрела каждый обрубок через мощную лупу в черной оправе, которая увеличивала мельчайшие выступы и складки на коже. Она направила свет на мертвецов. На каждой отрубленной голове остались следы, как на плоти, так и в костях. Сначала им перерезали горло аккуратным полукруглым движением сквозь мягкие ткани. Кожа, трахея и основные кровеносные сосуды рассечены надвое. На некоторых головах тем же движением пытались перерубить кость и хрящ, но это лезвие не справилось. При отсечении головы позвоночник был перепилен.

На грязно-белых костях – следы трения. Кончики на срезе немного обуглились, мягкие ткани сверху и по бокам от позвоночника истрепаны и обожжены. Купер обнаружила мелкие фрагменты проволоки, что подтверждало ее перво-

начальную теорию о том, что головы отрезали, однако преступники вряд ли пользовались электроинструментами, иначе откуда взяться ножевым порезам и проволоочной нити? Нить, кстати, походила на старинный инструмент, который ветеринары раньше использовали (а некоторые применяют до сих пор) для фетотомии, то есть рассечения и удаления мертвого плода из родовых путей коровы. Такой проволокой отрезают голову и конечности теленка, чтобы, извлекая его, не навредить матери. Сейчас с ее помощью срезают рога и иногда ампутируют пальцы крупному рогатому скоту.

На некоторых головах надрезы выглядели более умелыми по сравнению с другими. Возможно, наловчились в процессе или, наоборот, к концу пилили в спешке. А может, один из них знал, как нужно резать, а второй оказался менее опытным.

Перерезаешь ножом горло стоящей лошади, на которую начало действовать успокоительное.

Ноги животного медленно подкашиваются.

Оно истекает кровью, перестает дышать и падает на пол.

Пока лошадь умирает, отрезаешь голову проволоочной пилой. Если понадобится, пускаешь в ход нож.

Купер прочитала показания свидетеля: «Они... они плакали. Точнее, один из них плакал», – сказал бездомный. Сделала пометку – разузнать о случаях жестокого обращения или внезапной пропажи животных в этом районе.

Она вернулась к работе и принялась снимать с голов ко-

жу. У некоторых животных она отделялась легко, с другими было сложнее. У лошадей кожа плотно прилегала к костям черепа, так что приходилось снимать ее частично, лоскутами, хотя Купер старалась захватить за раз как можно больше. Начать надо с голов, которые лучше сохранились, заодно осмотреть их еще раз, вдруг пропустила след от укула, особенно на шее. Там могла остаться запекшаяся кровь. Нескольким лошадям успокоительное ввели сами ветеринары, но что насчет остальных?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.